

Алексей Котов

*Чудо ты мое,
зеленоглазое*

18+

Алексей Николаевич Котов

Чудо ты мое, зеленоглазое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24729393

SelfPub; 2024

Аннотация

В общем-то, житейская история, трагическая и невероятная, фантастическая и даже страшная, излагая которую автор сделал все возможное для того, чтобы она получилась доброй и смешной.

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	37
Глава четвертая	55
Глава пятая	64
Глава шестая	72
Глава седьмая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Алексей Котов

Чудо ты мое, зеленоглазое

«Кошачье сердце» Алексея Котова

С Алексеем Котовым литературный журнал «Парус» впервые познакомился, когда в редакцию поступили несколько небольших рассказов, в основе каждого из которых лежал не просто увлекательный сюжет, построенный на парадоксе или даже анекдоте – за ними всегда стояло нечто большее, чем забавная история – произведения обращали человека лицом к самому себе и показывали выход из какого-нибудь сложного жизненного лабиринта. Рассказы («Неведомая земля», «Ласточка», «Сволочь», «Кошка», «Дорога из Тимаково», «Радость моя...», «Точка на карте», «Чёртова кожа», «Сашка БогаНет» и др.) были опубликованы и вызвали читательский интерес. С тех пор Алексей Котов – постоянный «житель» нашей рубрики «Человек на земле».

Это прозаик «со стажем», пишущий упорно, вдохновенно и, в отличие от многих своих современников-беллетристов, поднимающий серьёзные вопросы, так или иначе возникающие на жизненном пути перед каждым человеком: зачем я живу? что для меня имеет ценность в этой жизни? куда я

иду? что такое любовь, вера, жизнь и смерть? почему с нами происходят те или иные события? способны ли мы простить или даже полюбить своего врага? можем ли различить добро и зло?

Не исключением стала и представленная читателю повесть, в которой соседствуют, сверкая изломами, самые разные, порой неожиданные грани человеческого бытия.

Ну, например, кто же не любит кошек!.. Эти пушистые симпатяги прочно вошли в нашу жизнь, кто-то даже утверждает, что мохнатые любимцы способны исцелять от недугов и, вообще, являются носителями невероятных умений – способностями видеть недоступное человеческому глазу, чувствовать различные энергетические поля, предсказывать будущее... Известны многочисленные случаи спасения кошками своих хозяев, а есть коты, которые умеют делать массаж, коты-артисты (как в театре Куклачёва) и т.д.

«Ах, как много на свете кошек, Нам с тобой их не счесть никогда», – утверждал лирический герой Сергея Есенина. Его слова вполне могли бы стать эпиграфом к повести Алексея Котова «Чудо моё зеленоглазое», которая с не меньшим успехом вдогонку известному булгаковскому произведению могла бы называться «Кошачье сердце» и в которой читатель насчитает достаточно большое количество чёрных кошек – для кого-то плохой приметы, а для кого-то – талисмана удачи. Однако повесть, в первую очередь, о человеке.

Это почти детективно-мистическая история – о любви, о

живом, необыкновенно чувствительном человеческом сердце, о предприимчивости, творческом подходе к жизни и о подлинной цене всех вещей. Это и впечатляющая картина наших сегодняшних реалий, где нищают старики, здравствуют бандиты, распадаются семейные отношения, процветают пороки, а человек всё больше и больше сиротеет, оказываясь один на один с жизнью без всякой поддержки и уверенности в себе. «Жизнь – невыразима!» – восклицает главный герой повести. И действительно, сама жизнь есть чудо – тайна, которую каждый персонаж повести разгадывает в меру своих сил.

Мотив чуда – очень древний русский мотив, органично входящий и в былины, и в предания, и в сказки. Чудо – как нечто, преодолевающее законы физической реальности, как гавань человеческой надежды, символ спасения. Вспомним, что и тысячелетняя вера наших предков во многом основывалась на чуде. Не будь его, не были бы возможны ни исцеления, ни спасения, ни чудесные преображения, известные православному христианству. Повесть «Чудо моё зеленоглазое» наполнена тайнами, граничащими с чудесами – неожиданные изгибы сюжета заставляют читателя испытывать напряжённое волнение, строить догадки, размышлять над собственной жизнью и, возможно, тоже ожидать чудес.

Не случайно чудесные свойства в повести приписываются именно кошкам. Тема «зверя», число которого пытается «счесть» герой, обыгрывается в произведении в разных ва-

риациях: и посредством реальных зверей – «братьев наших меньших», и через разгадку числа 666 – «формулы уничтожения, числа предателя», и, конечно, через поиск «зверя» в своей собственной душе. Именно душу – свою и близких ему людей – стремится спасти главный герой «Чуда...»

В повести отчётливо звучит мотив исцеления – проходя испытания, как библейский Иов, люди излечивают свои недуги – физические и духовные. Будем верить, что в ходе чтения нечто подобное произойдёт и с нашими читателями, поэтому нам остаётся от всей души пожелать автору вдохновения и новых книг, а тем, кто обратится к этому тексту, захватывающего и, одновременно, вдумчивого чтения.

Ирина Калус,

доктор филологических наук, гл. редактор электронного журнала любителей русской словесности «Парус» (Москва).

В общем-то, житейская история, трагическая и невероятная, фантастическая и даже страшная, излагая которую автор сделал все возможное для того, чтобы она получилась доброй и смешной.

1993 – 2010 год

Глава первая

Нельзя сказать, что Николая Петровича не любили соседи, просто старик сам по себе слыл человеком не то чтобы нелюдимым, а, как говаривали некоторые, не свойским что ли?.. Улыбался Петрович редко, говорил мало и часто хмурился, словно вынашивал одному ему понятную, невеселую мысль. Когда-то давно старик сильно обгорел, но последствия ожога на его лице не были отталкивающими, скорее даже наоборот, они делали Петровича похожим на доброго пирата из детской сказки. И все-таки, разговаривая с людьми, старик не то что бы прятал лицо, а как-то немного тянул шею в сторону, будто видел там, в стороне, что-то более интересное и спешил прервать общение даже если оно было интересно собеседнику.

Никто и никогда не слышал от Николая Петровича дурного слова или жалобы. Те, кто заходили к нему занять денег до получки или еще по какой другой житейской нужде, всегда видели старика за работой: старик держал кроликов и, как посмеивались некоторые, черных кошек. Почему у него приживались только черные, и исключительно зеленоглазые кошки, не знал даже и сам Петрович. Они приходили неведомо откуда, жили своей жизнью, предпочитая не общаться с местной мяукающей братией, и приносили такое же чер-

ное и зеленоглазое потомство, как и они сами. Взять котенка у Петровича мечтала едва ли не вся городская окраина. Выпрошенный у старика черный котенок приносил в дом если не удачу, то существенное облегчение от житейских неурядиц. Кто-то утверждал, что смог бросить пить только после того, как обзавелся-таки котенком «от Петровича», другому вдруг крупно везло с работой, а в семье третьих наглухо стихали скандалы.

Впрочем, был один уникальный случай, который, может быть, и стал первоисточником людского суеверия. Однажды, лет двадцать тому назад, кошка, взятая у Петровича, спасла целую семью. А произошло вот что: во время сильного, ночного бурана в печную трубу дома свалилась и задохнулась ворона. В комнаты хлынул угарный газ. Быть бы большой беде, если бы кошка не разбудила полу задохнувшегося хозяина. Еле живой, с до крови расцарапанным лицом человек ничего не мог понять, пока страшно возбужденная, взъерошенная кошка не бросилась к двери, словно показывая путь к спасению. Соседи видели, как той жуткой ночью кошка спешила домой. Она бежала так, как будто знала, что вот-вот должна случиться страшная беда и ее не смогла остановить даже оконная рама с двойным стеклом. Короче говоря, слухи были самыми разными, но все сходились в одном – котята зеленоглазых кошек Петровича приносили людям только добро.

Старик недоверчиво улыбался, слушая подобные рассказы.

ни. Он категорически отказывался брать деньги за котят или тратить время на то, что бы вникнуть в правила живой очереди, установленной желающими приобрести у него котенка. Мало того, и старик и те три-четыре кошки, постоянно жившие у него дома, казалось бы, почти не обращали внимания друг на друга. Только иногда, осенними ненастными вечерами или в полнолуние, кошки вдруг безбоязненно прыгали к старику на колени, ласкались, а потом, когда тот усыпал, долго, словно ожидая чего-то, не отходили от его постели, настороженно всматриваясь в окружающую темноту огромными зелеными глазами.

Петрович был вдовцом. Ко времени гибели жены ему не исполнилось и сорока лет. Обстоятельства страшной смерти жены Петровича знали немногие, но они так упорно молчали, что всем остальным, не знавшим ничего об этой трагедии, поневоле приходила в голову мысль о чем-то не совсем обычном. В наследство от жены у Петровича осталась дочка Светлана. Старик был искренне привязан к ней. Светка с мужем и тремя детьми жила неподалеку, на соседней улице. Наверное, жизнь Петровича была бы значительно веселее, если бы не пьяница-зять. Взаимная неприязнь старика и его зятя темнела изо дня в день, как подпорченное яблоко.

В тот день Петрович все-таки решился зайти к Светланке. Поговорить с дочерью откровенно, напрямую, он решил уже давно. Но разговора не получилось и на этот раз. Старик не знал с чего начать.

На кухне мягко тикали настенные часы. Петрович на секунду задержал у рта ложку и взглянул на них. Стрелки показывали без четверти шесть.

– Ну, пожалуй, мне пора, дочка, – старик отодвинул пустую чашку и, не торопясь встать, сдержанно улыбнулся: – Как-то не хорошо получается... Сам я наелся, а дома у меня неокормленная ушастая скотинка скушает.

– Да ты ешь, папа, ешь! – Светлана, пышнотелая, с улыбочивыми глазами женщина, потянулась к кастрюле. – Прямо беда, не умею я понемногу готовить. Вот и Сережка поэтому на меня ругается.

Большой, полный до краев, половник опрокинулся в тарелку Петровича.

– Да уж... – старик проследил глазами движение полной женской руки. – Может и в этот раз многовато будет?

Света засмеялась:

– А ты что, родной дочки, что ли, стесняешься? Ешь!..

Петрович искоса взглянул на дочь и, не к месту, сказал:

– Губа вон у тебя...

– Что, губа? – насторожилась дочь.

– Битая...

Светка прикоснулась пальцами к уголку рта. Улыбка женщины стала гаснуть.

– Это ничего... – тихо сказала она. – Скоро пройдет.

– Опять Сережка дрался?

– Пьяный он был... Сам себя не помнил.

– А бил-то за что? За то, что ты ему, стервецу, слишком много наготовила?

У Петровича кольнуло сердце. Он невольно подумал о том, что, пожалуй, уже совсем скоро это такое родное лицо станет совсем другим: измученным, болезненным, с потухшими глазами и без мягкой лукавинки доставшейся Светке в наследство от матери.

– А дети где?

– Миша и Коля в школе, секция там у них какая-то. А Машеньку Марья Васильевна к себе пока забрала. Пусть побудет немного с бабушкой.

– И то верно. Нечего девчонке смотреть, как пьяный отец над матерью изгаляется.

– Да Сережка, он ничего... – губы Светки снова тронула робкая улыбка. – Вот только если бы не пил...

– Водкой дерьмо не прикроешь. От водки оно только жиже становиться, – старик тоскливо оглянулся по сторонам. – Слышь, Светк, может быть нам с тобой уехать куда-нибудь, а?..

– Куда? И кто и где нас с тобой ждет?

– Да ты погоди, – Петрович подался вперед и, навалившись грудью на стол, приблизил свое лицо к потупленному лицу дочери. – Ты думаешь, я не вижу как ты мучаешься? Не по-человечески все у вас как-то получается с Сережкой, понимаешь?.. Не по-людски. Вчера лег я спать, а сна нет, хоть убей. И все мысли в голову лезут. Не хорошие мысли, Свет-

ка, злые и проку-то от них, если разобраться, никакого нет. Такого, как твой Сергей, только могила исправит. А три дня назад Витька, брат твой двоюродный, из деревни мне письмо прислал. Пишет, живут, мол, они там хорошо: огород у них полгектара, хозяйство...

– Детей, папа, на огороде у Витьки не вырастишь.

– Но в деревне все ж таки легче нам с тобой будет.

– Везде, пап, хорошо, где нас нет, – вздохнула Светка. –

А еще лучше там, где нас с тобой не будет никогда.

В коридоре хлопнула входная дверь. Молодая женщина скользнула по лицу отца изменившимся, испуганным взглядом.

– Ты, папа, иди лучше домой, а?.. Поздно уже.

Петрович выпрямился, не хотя, отстраняясь от дочери.

– Не глухой, слышу. Пришел твой благоверный.

– Папа, я тебя прошу, уходи, пожалуйста!

– Не гони, сам уйду, – опираясь на спинку стула, старик

встал. – И за что нам с тобой такое наказание, дочка? За грехи мои, что ли?..

В коридоре загремело опрокинутое ведро. Старик шагнул к двери, и уже протянул было к ней руку, как вдруг та пахнулась сама и с тупым звуком ударилась об угол шкафа.

Петрович попятился. На пороге стоял пьяный Сергей.

– Всем привет! – зять осмотрел кухню. Споткнувшись взглядом на накрытом столе, он удивленно приподнял бровь. – Ужинаем, значит?.. И ужинаем, как я погляжу, без

хозяйина?

Светка подошла к мужу.

– Да вот, папа к нам зашел, – женские руки суетливо поправили воротничок мужской рубашки. Голос Светы подрагивал от напряжения. – Поговорили мы с ним немного. А есть он не хотел, это я сама его усадила...

– Ты думаешь, мне куска хлеба жалко? – Сергей криво усмехнулся. – Только врешь ты... Наверное, опять, тары-бары развели: мол, такой-сякой зять, хрен с него взять? – Сергея сильно шатнуло. Он выругался и оперся спиной на дверь. – Ведь так, дед?

– Может и так, зятек, – тихо ответил старик.

– Да что ты, папа?! – Светка обернулась к отцу и сердито сверкнула глазами. – О Витьке мы говорили, о том, что огород у него в деревне хороший.

– Что ж, огород у Витьки действительно не плохой. Раз как-то удосужился я на него взглянуть, – Сергей чиркнул спичкой и прикурил измятую сигарету. Зять по прежнему стоял в проходе, загораживая старику выход. – А вот сам Витька все ж таки бо-о-ольшая сволочь!.. Ведь так, дедок, или нет?

– Сережа, пойдем спать, а? – Светка обняла мужа за плечи и искательно заглянула ему в глаза. – Ну, пойдем!.. Ты на ногах уже еле стоишь.

– Погодь, – Сергей убрал с плеч руки жены. – Ладно, черт с ним, с Витькой этим... Я тебя лучше, Петрович, вот что

спрошу: ты до каких пор ты, старая, горелая калоша, будешь приползать в мой дом и воду мутить, а? Я ведь тебе что недавно говорил?.. Что бы ты в мой дом по стуку заходил, вот так, – Сергей несколько раз беззвучно стукнул по стене полусогнутым пальцем. – А ты, значит, опять за старое, да?

– Я, зятек, к дочке, а не к тебе пришел... – глухо отозвался Петрович, слова прозвучали отдаленно и тихо, словно были сказаны другим человеком.

Что произошло дальше Петрович, плохо запомнил. До сих пор расслабленно вихляющий непослушным телом зять, вдруг бросился вперед. Грубые, сильные руки рванули старика с места, развернули и, больно сдавив пальцами шею, вытолкали в коридор. Светка испуганно вскрикнула.

Коридор был длинным и темным. Впереди смутным белым пятном маячила распахнутая дверь. Прежде чем дотащить до нее старика Сергей, несколько раз валился на стены, увлекая Петровича за собой. У выхода зять с силой толкнул старика вперед. Тот ударился коленом о лавку и охнул. Лавка упала на бок, но споткнулся об нее не Петрович, а Сергей. Он тяжело повис у старика на плечах и ткнул кулаком в спину. Петровича швырнуло к стене. Сергей лежал на полу и пытался встать. Он тяжело оперся на лежавшую на боку лавочку. Та опрокинулась снова, на этот раз вверх ножками, и Сергей, нырнув вниз головой, ткнулся оскаленным лицом об одну из ножек. С разбитых губ закапала кровь.

– Убью, морда твоя пиратская! – Сергей вытер губы. – Все

равно убью!..

Старик посмотрел на дочь. Та стояла позади мужа и тихо, по-бабьи голосила. С трудом, опираясь рукой на стену, Петрович вышел из дома и с силой захлопнул за собой дверь...

Глава вторая

Застать у себя дома гостей Петрович не ожидал. В кухне, за столом, сидел его племянник Витька и сосед Петровича Лешка. Гости над чем-то весело смеялись, а на столе, уставленном тарелками со случайной закуской, горделиво поблескивала бутылка водки.

– И тут, значит, гуляют, – старик повесил на гвоздь фуражку и шагнул к столу.

Витька весело подмигнул старику.

– А чего, спрашивается, нам горевать-то? Здорово, дядь Коля.

– Здорово, колья не шутишь, – Петрович сел. – Ну, по какому поводу сабантуй?

– А без гуляем. Пьем по причине душевной грусти, – Витька развел руками, давая понять, что его грусть штука довольно большая и вредная и справиться с ней без спиртного занятие неблагодарное. – А ты, дядь Коля, все по старинке живешь. Дверь и та нараспашку.

Смущенно улыбаясь, Лешка встал.

– Ну, мне пора... До свидания, дядь Коля.

– Да сиди уж, коли пришел, – махнул рукой старик. – Ты-то ладно...

– Не-е-е, я лучше пойду. Бывайте, мужики, – возле двери

Лешка оглянулся. — Дядь Коль, ты Витьку не ругай. Ему и без тебя от жены досталось.

С минуту после ухода Лешка за столом царила тишина. Племянник сделал вид, что не замечает пристального взгляда старика. Уткнувшись взглядом в тарелку, он сосредоточенно жевал соленый огурец.

Витька уродился на свет божий таким, что говорить о нем без вздоха сожаления и улыбки, было просто невозможно. Хотя, с другой стороны, пустым человеком Витька, конечно, не был. Любая работа, будь то крестьянский, монотонный труд или что-то более сложное, требующее размышления и определенной сноровки, давалась Витьке легко и без особых усилий. Племянник мог запросто, в одиночку, поставить новую крышу без единого гвоздя или отремонтировать и запустить выдавший виды автомобильный двигатель. Правда, того, чего Витька делать не хотел, ему лучше было не поручать. Кое-как привязанная им по просьбе жены веревка вдруг неожиданно рушилась в грязь вместе со свежавыстиранным бельем, а вымытая им тарелка настолько вызывающе пахла селедкой, словно рыбу только что смахнули с тарелки. Что же касается того заборчика возле хлева, который Витька уже трижды ремонтировал и опять-таки по настоянию своей упрямой супруги, то живущие за ним шесть упитанных кабанчиков вполне искренне продолжали считать заборчик не более чем декорацией на заднем плане дворового пастбища.

Подобная легковесность дорого обходилась Витьке. Ста-

вить новые крыши и ремонтировать «вечные» «Москвичи» и «Запорожцы» соседи звали почему-то не Витьку, а других. Те, другие, справлялись с работой, которую Витька мог сделать значительно быстрее и дешевле, значительно хуже него. Но дело в том, что именно те, другие, умели солидно молчать за работой, а распивая за ужином деревенский самогон, так же солидно и обстоятельно, беседовать с хозяином о житейских вещах. А переделать себя Витька не мог. Дожив до тридцати пяти лет, он так и не научился с чувством глубокого самоуважения произносить пошлейшую фразу «Металл, он ведь ласку любит!» или делать три часа то, что можно сделать хорошо только за двадцать минут. Что же касается степенных разговоров, искусству которых любой мастер должен обучиться раньше, чем своему основному мастерству, то здесь Витька был не только первоклассником, но еще и абсолютным двоечником. Деревенская аудитория либо боготворила его, либо презрительно сплевывала и со словами «Ну, опять завелся, философ», уходила прочь. Вся беда Витьки заключалась в том, что он привык царить в разговоре. Именно царить!.. Он никогда не снисходил до того, что бы опровергать доводы собеседника, а попросту сметал их, не оставляя оппоненту взамен ничего, кроме горького ощущения собственной глупости. Апофеозом публичных, и часто не совсем трезвых, Витькиных выступлений, как правило, было чтение стихов собственного сочинения. Стихи у Витьки были странными, непонятными и никто из слушателей,

спустя пару минут, не смог бы пересказать и двух строчек из Витькиных сочинений. Но, признаться, и самого Витьку мало волновали слова. Значительно больше его притягивала к себе та волшебная аура, которую создают слова, те чувства, которые они рождают в других людях и тот смысл, который бессильны передать любые слова, сказанные не из сердца. Люди, видевшие Витьку впервые и убежденные, что все талантливые люди живут в Москве, от удивления открывали рты: веселое и трагическое, философское и почти анекдотическое, неожиданное и привычное, но как бы увиденное иначе, один черт знает с какой стороны, короче говоря все, все несопоставимое и противоречивое уже по природе своей, все это звучало в Витькиных стихах вместе, не вызывая при этом у слушателя ни малейшего сомнения в душевном здоровье автора. Иногда, собственный дар удивлял и самого Витьку. Однажды ночью, сидя над тетрадкой, он написал четыре страшные строчки, которые потом еще долго не давали ему покоя:

Молюсь... Зубами рву колени,
Но есть ли истина в пыли у ног?..
Лед распирает сердце, а не вера
И грудь мне рвет осатаневший бог.

Витька испугался. Он трижды зачеркнул строки и, отшвырнув от себя ручку, долго ходил по комнате. «Мо-

люсь...» Дело в том, что Витька не умел молиться. А еще он никогда не искал истину «в пыли у ног», и уж тем более не чувствовал льда в своем сердце. К вере, не смотря на чисто социалистическое воспитание, у Витьки было самое теплое отношение, например, проходя мимо церкви, он мог запросто перекреститься. И все-таки жуткое четверостишие казалось ему настолько до боли искренними, что Витька вдруг почувствовал себя отвратительным и холодным человеком.

В тот вечер он так и не вернулся к тетрадке. Ночью, уже лежа в постели, Витька долго рассматривал заснеженную вишню за окном. На ее темных, не живых ветвях белел снег.

«Как я, наверное», – вдруг решил Витька. Он улыбнулся, и ему стало легче. Весна была не за горами...

Не смотря на склонность к поэзии, судьба сжалилась над Витькой и наградила его красавицей-женой с крепким, практичным, характером. Работящая и прижимистая Лена была из тех женщин, которые рано или поздно обзаводятся богатым хозяйством, позволяющим безбедно переживать политические и экономические эксперименты, которые любят проводить все без исключения кремлевские мечтатели. Лена умела все: полоть, стирать, ругать, ждать, выращивать и продавать, оставаясь при этом абсолютно спокойной и насмешливо-рассудительной. Например, торгуя на рынке не только собственным поросенком, но и еще прикупленной парочкой у нерасторопных соседей, она спокойно пересчитывала чужую, лишнюю копейку и так же спокойно опускала ее в свой

карман. Склонные к ведению крепкого хозяйства деревенские мужички не могли смотреть на Лену без вздоха: эх, мол, досталась же такая двужильная красавица деревенскому дурачку!

Да может оно и верно?.. Со временем совместная жизнь Лены с Витькой превратилась для нее в ласковую пытку. Несколько раз, наслушавшись от соседей об очередных любовных похождениях мужа, Лена порывалась уйти от него, забрав с собой двух, до противности похожих на Витьку, детей. Нерадивый муж, нужно отдать ему должное, никогда не пытался удержать жену. Но всегда, когда через пару часов Лена возвращалась, что бы забрать забытую ей впопыхах незначительную вещь, она заставляла постылого мужа с грудастой соседкой. Они сидели на кухне и пили чай. Удивительно то, что Лена никогда не ловила мужа и соседок в другой, скажем так, более амурной ситуации. В том, что молодые женщины приходят к мужу сами, едва увидев ее на улице с торопливо увязанными в узлы вещами, Лена не сомневалась, но именно этот обидный факт не давал ей уйти снова. Оставить мужа наедине с раскрасневшейся от чая соседкой, было выше человеческих, а тем более женских, сил. Примирение всегда было бурным, а со стороны Лены дело частенько доходило до кулаков. Затем страдающая женщина уже в который раз откладывала свой развод, а Витька вел себя настолько тихо, что по ночам Лена вздрагивала от малейшего шороха...

Иногда Витька оставлял в покое свою красавицу-жену и приезжал погостить в город к Петровичу. Старик, конечно, ворчал на племянника, но, говоря откровенно, всегда был рад ему.

– Ну, так ты чего приперся-то? – наконец нарушил молчание Петрович. – В деревне, что ли, дел нет?

– Да так, дядь Коль... Дай, думаю, погощу малость.

Тяжелые и сильные руки Витьки лежащие на столе вдруг засуетились и принялись скатывать из хлебных крошек маленький, упругий шарик.

– Понятно. Просто так, значит, приехал? – переспросил Петрович.

– Ага, просто так.

Старик немного подумал и на всякий случай переставил бутылку водки на край стола – подальше от гостя.

– А по твоему блудливому виду такого не скажешь, – усмехнулся он. – Может, случилось что?

Витька вздохнул. Он покосился на бутылку, потом на Петровича и пришел к неутешительному выводу, что добратся до «злодейки с наклейкой» ему, пожалуй, будет нелегко.

– Дядь Коль, да я же...

– Мутный ты человек, Витька, ох, и мутный! – оборвал племянника Петрович. – Короче говоря, кайся. То есть, либо говори правду, либо уходи. Понял?

– Понял, – Витька грустно усмехнулся. – Только ведь не поверишь ты, дядь Коль...

– Это, смотря насколько складно, ты брехать будешь.

**История, придуманная Витькой только
затем, чтобы развеселить старика и
добраться до вожденной бутылки водки.**

– Ладно, слушай, – Витька в очередной раз покосился на бутылку, скорбно пожевал губами и начал: – Сегодня утром, дядь Коль, я Ленку в город проводил – сестра у нее заболела. Посадил я свою женушку в электричку и ручкой ей на прощание помахал: скатертью, мол, дорожка. Кстати, еще тогда мне в голову мысль пришла: что это, мол, Ленка на меня из окошка так странно посмотрела? Словно сказать хотела что-то нехорошее да вовремя сдержалась. Ну и вот, значит... Вернулся я домой, и что-то скучно мне стало: детей теща к себе забрала, жена уехала, совсем один я остался, как старый волк летом. А что, думаю, может выпить водки, что ли?.. Тут соседка Надька, как на грех, в дом – шашь. Соль ей, видите ли, потребовалась. Ну, то да се, разговорились мы с ней. Налил я и Надьке полстакана. Отчего же не налить, спрашивается, если разговор душевный пошел? Вдвоем и пить-то веселее.

Петрович хмыкнул:

– Особенно на пару с бабой.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Витька и потер широкой ладонью могучую шею. – Выпили мы с Надькой, значит... Потом я думаю, а не истопить ли, мол, баньку? Не сидеть же мужику немытым, если жена в город уехала. Тут Надька посуду мыть напросилась, а я во двор пошел...

– Париться, случаем, не вдвоем решили? – улыбнулся старик.

Витька пропустил замечание Петровича мимо ушей.

– Короче говоря, дядь Коля, топлю я баньку... Дыму в ней собралось, как в коптильне. Толкнул я дверь и, что за черт, чувствую, заперто!.. Вдруг слышу, вроде как поросенка где-то резать собираются. Визг такой, знаешь, характерный откуда-то прорезался – на одной ноте. Я – к окошку, а как глянул в него, так сначала остоленел, а когда опомнился и выпрямился, то чуть раму башкой не выломал. Мама родная, да это же, оказывается, не поросенок кричит, а Надька!..

Гляжу я в окошко дальше. Выбегает на порожки соседка, а следом за ней Ленка с помойным ведром в руках. Окатила моя жена Надьку из ведра да так, что та через полутораметровый заборчик с первой же попытки перепрыгнула – только ее и видели. Расправилась Ленка с подругой и потом, конечно, к бане, по мою душу, направилась. Наступила, стало быть, моя очередь.

Присел я на корточки, закурил, сижу, жду... Вдруг слышу, хворост зашуршал. К чему это, думаю, Ленка баню хворостом обкладывает? Минута прошла, Ленка меня замогиль-

ным голосом спрашивает: «Жить, сволочь, хочешь?» – «Желательно, – отвечаю, – если ты, конечно, не против». Ленка паузу выдержала, хорошую такую паузу, как в трагическом спектакле, а потом говорит: «Мы с тобой, муженек, сейчас так решим. У меня коробок спичек и каждая спичка – твоя любовница. Ну, а загорится хворост или нет, это уж какое тебе кобелиное счастье выпадет». Здесь мне что-то, дядь Коль, не по себе стало. Просунул я голову в окошко и кричу: «А ну, положи спички, дура! Иначе я из бани выйду и с тобой по другому поговорю.» Ленка мне говорит: «Ага, выйдешь, конечно, если сможешь. А теперь давай-ка, Витечка, всех твоих баб припомним. Дочку Семеновны не забыл еще?» Чиркнула Ленка спичкой и – в хворост ее. Здесь уж я от крика и мата как дед старый от кашля зашелся. «Да я же, – кричу, – эту дочку только разок, да и то в шутку, по груди погладил!» – «Может и Маню-продавщицу забыл? – спрашивает Ленка. – Так я тебе сейчас ее напомним». И снова зажженную спичку – в хворост. Не займется, мол, хворост – твое счастье. «Да какую Маню?! – ору я, – я ей только в заборе пару палочек заменил!» – «Знаю я, – говорит Ленка, – что это за палки такие и как их меняют. А заезжую, рыжую, ты, надеюсь, тоже не запамятовал?» И опять спичку – в хворост. Тут, дядь Коль, признаться, я путаться немного начал. Деревня-то наша совсем не глухомань какая-то и мало ли всяких заезжих у нас за последнее время перебывало? Короче говоря, перечисляет Ленка все мои грешки и одну горящую

спичку за другой швыряет. А тут еще я ей кое-что подсказываю... Ну, не деревенский же я летописец, в конце концов, что бы помнить где, когда и с кем меня Ленка видела и как того человека в юбке звали.

В общем, доигралась Ленка – полыхнул хворост и не как-нибудь, а сразу в нескольких местах. Выдержала Ленка еще одну паузу, и такую, что на добрый клочок седых волос потянет, но дверь все-таки открыла. А я, хочешь, верь – хочешь нет, дядь Коль, не могу голову из окошка вытащить. Ну, хоть убей!.. Окошко-то у меня в бане в две ладошки величиной и я, можно сказать, от всяких душевных переживаний смог в него протиснуться, а как Ленка дверь открыла, так я, от тех же самых переживаний, в окошке и застрял. Дергаюсь туда – сюда, а вытащить голову не могу. Ленка, конечно, сначала решила, что я притворяюсь. «Что, – спрашивает, – башка от переизбытка совести разбухла? Вылезай, подлец, я еще с тобой разговор не кончила». А баня-то знай себе дымит да потрескивает. Тушить ее нечем, я еще воды не натаскал да и к тому же свой колодец на ремонт разобрал. Из моего колодца теперь, без моей мужской сноровки, разве что только кружкой черпать можно.

Через пару минут, когда дошло, наконец, до Ленки, что не притворяюсь я, и она тоже перепугалась не на шутку. «Витенька – шепчет, – я же не нарочно! Это я тебя, козла, проучить хотела». Проучить!.. Ну, дядь Коль, тут уж я все Ленке сказал, все что о ней думал, включая историю своей без-

временно загубленной жизни. И до того мне, дядь Коля, себя жалко стало, что, ей-богу, даже слезы у меня по щекам потекли. Ведь нет же и не может быть глупее смерти, чем такая вот, в бане!.. Ленка тоже не выдержала, заплакала. Обхватила она мою голову руками и кричит: «Витенька, прости ты меня дуру такую!» Порыдала Ленка немного, а потом возьми да и повисни на моей голове – ноги от горя, понимаешь, у нее подкосились. Мол, эх-ма, да не ходил бы ты, Витек, на тот свет!.. Теперь представь себе, дядь Коля: голова-то у меня снаружи, сам я в бане, а шея моя в окошке, как в хомуте. Вот мне горло и перехватило. Одним словом, захрипел я... Ну, думаю, сначала придушит меня жена, а гореть я ужедохлым буду...

Петрович рассмеялся.

– Как же ты выбрался, бедолага?

– Люди добрые помогли, – Витька покосился на бутылку, но после небольшого размышления пришел к выводу, что тянуться за ней еще рановато. – Баня уже наполовину полыхала, когда народ сбежался. Порядка на деревенском пожаре, сам понимаешь, не больше чем возле пивного ларька в день получки. Первым делом решили мужики от меня Ленку оттащить. Баба, мол, и есть баба нечего ей у добровольцев-пожарников под ногами путаться. Тем более, что свое черное дело она уже сделала. А Ленка вцепилась мне в волосы и не отпускает. «Моя вина, – кричит, – значит, вместе гореть и будем!» Я, признаться, ее слова уже как сквозь сон

слышал. Концы отдавал... – Витька сделал небольшую паузу и безразлично спросил. – Дядь Коль, там еще водка кажется, осталась?

– Осталась. Пей, черт с тобой! Дальше-то что было?

Витька, не спеша, по-хозяйски, налил себе полстакана и выпил.

– В общем, дядь Коль, целых пять мужиков Ленку от меня оторвать не могли. Но с другой стороны ведь что получается: сначала меня жена придушить хотела, потом мужики вместе с Ленкой мне голову отрывали, ну а под конец стали мне эту голову откручивать...

Петрович засмеялся.

– Это как же так?

– Как и положено, дядь Коль, с матюками. Оторвать-то Ленку мужики от меня не смогли, вот и стали они ей руки выкручивать. Тут уж я совсем белого света неувидел. «Мужики, – кричу, – не надо откручивать, больно. Лучше так отрывайте!...» Правда, горло мне немного отпустило, отдышался... Вдруг, гляжу, а наш колхозный бухгалтер Иван Захарыч не столько Ленку от меня оттащить пытается, сколько руками за ее выпуклые места хватается. Не выдержал я и говорю ему: «Отойди от жены, гад, нечего чужое добро пересчитывать. Там лишнего ничего нету!» А Иван Захарыч вместо того, чтобы покраснеть и в сторонку отойти, пальцем у своего виска покрутил и говорит: «Ты, Витька, совсем не случайно в этой бане оказался. Тут, можно сказать, самое твое

место и есть». Вот такие дела... И к тому же, дядь Коль, что может быть веселее деревенского пожара? Подходит ко мне дед Антон по прозвищу «де Бидон», – ему сто лет в субботу, а он все про грешки своей молодости забыть не может – подходит, значит, физиономию ладошкой от жара прикрыл и елеинным голоском говорит: «Тебе, Витька, твой мужской инструмент, как я погляжу, уже не надобен. Может быть, обменяемся напоследок? Тебе, – говорит, – с моим долго в чистилище держать не будут. Сразу в рай попадешь». И смех и грех! «Дед, – отвечаю, – мне бы только отсюда выбраться. Я тогда тебя в рай мимо всякого чистилища отправлю». А баня-то тем временем все жарче разгорается. Люди суеются, тушат тем, что под руку попадется, но пока тушили да суетились, канистру с бензином опрокинули. Тут уж полыхнуло так, что те мужики, что в баню зашли, через крышу наружу выбирались. Поняли, наконец, они, что так дело и до худого дойти может. Схватили они Ленку кто за что горазд и давай тащить. Хоть по частям, мол, но вытащим! Считай, что всем миром тянули. Рванули раз, рванули другой, вдруг слышу я, что-то трещит. Сначала я думал, что это моя шея, но как оказалось оконная рама... Ну, а как рванули третий раз, так и вытащили меня вместе с женой и рамой из этой чертовой горячей бани...

Петрович недоверчиво покачал головой и потер лицо, сгоняя с него улыбку. Что ни говори, а врать Витька умел, но его словесный портрет жены совсем не соответствовал действи-

тельности. Красивая, умная и сдержанная Лена была совсем не похожа на истеричную женщину, нарисованную хитроумным Витькой.

– А ко мне чего приехал? – спросил старик.

– Так ведь выгнала меня Ленка, дядь Коль! – возмутился Витька. – Даже драться кидалась, после того как нас из бани вытащили. А потом стала в позу английской королевы и говорит: «Шесть секунд на сборы, подонок, иначе я тебя в эту баню снова втисну». Так я даже не умывался и напрямик на станцию пошел...

Петрович кивнул. Последняя фраза действительно могла принадлежать Лене.

– Дядь Коль, я у тебя поживу немного, а? – жалобно попросил Витька.

– Живи, коли такое дело.

Петрович попытался встать, но племянник положил ему на плечо тяжелую руку.

– А ты чего такой хмурый сегодня? Опять Серега свой характер показывает?

Старик отмахнулся.

– Отстань!

– Он? Говори, ну?..

– Да ну вас всех! – повысил голос старик.

– Понятно, – Витька убрал руку и встал. – Ну-ка, пошли, дядь Коль, я после бани в аккурат созрел для душевного разговора.

Старик покачал головой.

– Не твоего ума это дело, Витька...

– Да ты никак боишься? – удивился племянник.

– Боюсь, – просто признался старик. – Боюсь, только не одного Сережку. Я, если ты хочешь знать, уже давно по ночам от страха просыпаюсь. Глаза открою, и не пойму что происходит: сердце колотится, всего трясет и ... – старик запнулся. – Плохо мне, а от чего плохо не знаю... Душа как парализованная и, кажется, вот-вот начнет растекаться, словно жидкая грязь. И страх!.. Такой страх, Витька, у меня в душе, что весь мир мне с игольное ушко кажется.

Витька присвистнул и медленно, не отрывая от лица Петровича удивленного взгляда, сел.

– Дядь Коль, да у тебя депрессия, что ли?.. И давно такое с тобой такое происходит?

– Года четыре уже. Считаю, на полгода позже, как Серега почти каждый день пить начал.

– Ты к врачу ходил?

– Зачем?

– Да ты что, маленький что ли?! Он бы тебе таблетки выписал или уколы какие-нибудь...

Петрович усмехнулся.

– Вот именно, какие-нибудь!.. Тот страх, Витька, который от самой жизни происходит, никакими таблетками не вылечишь. Поговорил я как-то с врачом, и ты знаешь, что он мне сказал? Мы, говорит, Николай Петрович, еще ни одному

больному вроде вас не помогли. Все наши таблетки – вроде анальгина – боль снимут, но не вылечат. А привыкнете к ним, только хуже вам станет. Вам, говорит, что-то в своей жизни менять нужно, что бы волноваться меньше... – Старик посмотрел на племянника грустными, уставшими глазами. – Слышь, Витьк, может быть нам со Светкой в деревню уехать, а?

– От зятя бежишь?

– И сбежал бы, сбежал! – выкрикнул Петрович. – Мне что, думаешь, впервые перед жизнью голову гнуть? Да и не только о себе я думаю. Внуки подрастают, что хорошего они увидят за своим отцом-алкашом?.. Чему научатся?! Неделю назад самая младшая, Оленька, подходит, ко мне, за коленку треплет и говорит: «Дедушка Коля, забери меня отсюда. Папа говорит, что все равно нас из своего дома выгонит». – «Когда же он, – спрашиваю, – такое вам говорил?» – «А вчера ночью, – отвечает Оля. – Когда мамку на кухне бил».

Витька зарычал от бешенства.

– Ну, елки-палки, встречу эту сволочь, – тяжелый кулак грохнул по столу, – честное слово, придушу как собаку!

– Опять ты глупость молотишь, – отмахнулся Петрович – Ну, набьешь ты Сереге морду, уедешь в свою деревню, а дальше что?.. Нам со Светкой что делать? Или ты будешь к нам через каждые два дня приезжать, что бы снова с моим зятем разбираться? А ведь Серега такой человек, что его чужие кулаки только стервознее сделают. Да и Светка, чего

греха таить, все еще на что-то надеется.

– Все-таки битая морда, дядь Коль, кое-что да значит, – уже не так уверенно сказал Витька.

– А сесть в тюрьму ты за него не боишься?

– За эту шавку?!

– Шавка – не шавка, а от Сереги всего ждать можно. Уезжать нам со Светкой нужно, понимаешь? В другом месте он нас не достанет.

Не зная, что возразить старику, Витька замолчал.

Неплотно прикрытая дверь тихо скрипнула и в образовавшуюся щель просунулась черная кошачья голова. Кошка внимательно осмотрела кухню и задержала свой вопросительный взгляд на Витькином лице.

– Кис-кис-кис! – позвал Витька.

Кошка ждала. Только удостоверившись, что сидящий рядом с ее хозяином человек не собирается делать резких движений, она медленно вошла в комнату.

Витька невольно залюбовался кошкой. Это было великолепное, иссиня-черное животное с огромными, зелеными глазами. Чуть более длинная, чем у обычной кошки шерсть делала ее еще больше, но не огрубляла, а скорее наоборот, придавала ее формам законченное изящество.

– Кис-кис-кис!..

Кошка подошла ближе и уселась в шаге от стола. Витька швырнул на пол кусок колбасы. Кошка, не спеша, с достоинством, съела колбасу и посмотрела на Петровича.

– Как ее зовут, дядь Коль? – спросил Витька.

– А я их никак не называю, – отмахнулся старик. – Кошка и кошка. Правда, эта самая главная у них. Вожак, что ли?..

– Это как?

– Кошки-то у меня стайкой живут, а эту все остальные слушаются. Забавные они, кошки эти. Недавно гуртом чуть было соседского кобеля не извели.

– Ну?!..

– Вот тебе и ну, – старик чуть улыбнулся. – Сели мои кошки в круг возле соседского кобеля – а он-то на цепи – и давай играть. Пока трое у кобеля перед носом вертятся, четвертая через него прыгает. И так все по очереди. Кобель, конечно, на дыбы встает, от лая хрипнет, в ошейнике давится, а кошкам хоть бы что. Потом эта, большая, мяукнула и вся ее компания в разные стороны брызнула – хозяин кобеля во двор вышел...

– Странные ты вещи говоришь, дядь Коль. Сколько живу, никогда такого про кошек не слышал.

– Это потому, наверное, что все кошки у людей по одиночке живут, а у меня гуртом. Дружнее они, а стало быть, и поумнее остальных будут.

Витька посмотрел на кошку с нескрываемым уважением. Та подошла поближе и потерлась о ногу.

Петрович покачал головой.

– Ты смотри, не иначе как она в тебе хорошего человека признала?

– Так ведь не первый же раз я к тебе приезжаю.

– Дело не в этом. Не любят мои кошки пьяных и особенно Сергея, – пояснил старик. – Он ко мне во двор без палки никогда не заходит...

Витька рассмеялся.

– В самом деле, что ли?!..

– Стар я, что бы брехать. Хотя кошки мои разве что только шипят на Сережку...

– Багира, Багира!.. – Витька нагнулся и погладил кошку по голове – Теперь ты Багирой будешь, поняла?

Кошка громко мяукнула. Витька подмигнул Петровичу.

– Слыхал? Согласилась.

Следующий кусок колбасы кошка съела сидя у Витьки на коленях.

– Ладно, пошли-ка спать, погорелец, – вздохнул старик.

– Рано еще, дядь Коль!..

– В самый раз, за окошком уже темнеет.

Витька потянулся к бутылке.

– Ладно, сейчас я... Не пропадать же добру.

Всю ночь Витьке снились черные кошки с огромными зелеными глазами. Они хитро подмигивали ему, словно хотели сказать что-то не совсем обычное, но так и не сказали ни одного слова...

Глава третья

Утром Витька исчез. Петрович вздохнул и выругал себя за то, что рассказал племяннику о проблемах с зятем. От Витьки можно было ждать любой выходки, и простая драка была не самой худшей из них.

За мелкими делами прошел день. Предчувствие чего-то недоброго не давало старику покоя. Пытаясь отогнать от себя дурные, ненужные мысли он переделал много дел, которые раньше откладывал на потом.

Ближе к вечеру двор Петровича заблестел чистотой и порядком. Толстые кролики жадно смотрели на аккуратно расчесанную граблями траву и пробовали лапками прочность проволочных решеток. Молодой черный кот обнюхал мусорное ведро и не найдя на нем недавно оставленной метки принялся тревожно оглядываться по сторонам. Двор казался ему чужим. Петрович и раньше следил за порядком, но теперешняя праздничная и какая-то нежилая чистота удивила и его самого.

«Прямо как у немца какого-нибудь», – подумал старик, осматривая результаты своего труда.

Витька появился только в восемь часов вечера. Он осмотрел двор, коротко бросил «Гуд, Петрович, зер гуд!» и направился в дом. Почти тотчас Витьку окликнули двое подошед-

ших к калитке парней. Витька нехорошо улыбнулся и вышел на улицу к гостям.

Его разговор с незнакомцами был коротким и злым. После пары отрывистых фраз Витька грубо толкнул одного из них, самого рослого, второго, того что поменьше, он прижал к забору и отвесил ему такой сильный подзатыльник, что парень не устоял на ногах.

У Петровича сжалось сердце. Он ощупал тяжелую лопату, словно пробуя ее на прочность, но тут же, почувствовал, что не может идти. Ноги стали слабыми и чужими, словно валенки.

Броситься в драку незнакомцы не решились и быстро ретировались. Грозно посапывая, Витька закрыл за собой калитку. Он взглянул на застывшего с лопатой старика.

– Что, дядь Коль, на окопные работы собрался? – он улыбнулся.

Петрович отшвырнул лопату, медленно, с заметным усилием, добрал до штабеля бревен и сел. Во рту старика было сухо и противно.

– Дурак ты, Витька, – глухо сказал он. – Наворочаешь делов, потом не расхлебаешь.

Витька весело подмигнул.

– Уже, дядь Коль, наворочал. Прости, что не сдержался. После сегодняшнего разговора Серега меня долго помнить будет. А это, – Витька кивнул в сторону калитки. – Его дружки приходили – неуловимые мстители местного масштаба.

Такую мелкую шпану можно в форточку выбрасывать, как окурки.

Только за ужином, когда Витька водрузил на стол бутылку водки, Петрович понял, что его племянник снова навеселе. Старик хотел было убрать бутылку со стола, но, взглянув на Витьку, передумал. Тот был и без того возбужден.

Петрович только буркнул:

– Не слишком ли, а?..

– Ты ее, что ли, родимую, имеешь в виду? – Витька взял бутылку в руки и насмешливо осмотрел ее со всех сторон. – Это я, дядь Коль, сегодня старых друзей навещал. От встречи у меня и осталось. А без водки какой же у нас с тобой разговор получится может? – Витька плеснул себе в стакан. – Но ты не бойся, я не сопьюсь. Ты же меня знаешь.

Старик поморщился, но потом подумал о том, что Витька, пожалуй, прав. Племянник мог месяцами, с безразличием, смотреть на спиртное и не считал трезвое время безвозвратно потерянным. Водка была слишком слаба, что бы сжечь этот сильный и живой характер. И даже Лена признавала это.

– А теперь поговорим о главном, дядь Коль, – продолжил Витька. – Я сегодня целый день, можно сказать, о тебе думал...

Племянник замолчал, рассматривая стакан.

– И что же придумывал? – безразлично спросил Петрович.

– А то, что помочь тебе надо. Вот только чем? Как раз

этого я и не пока знаю. Потому и не договорил с тобой вчера. Понимаешь? Зацепиться мне не за что.

Появившаяся неизвестно откуда Багира прыгнула Витьке на колени. Племянник вздрогнул от неожиданности и уронил с вилки кусок яичницы. Кошка обнюхала подарок и благодарно мурлыкнула.

– Вот шустрая какая, а?!.. – Витька рассмеялся и погладил Багиру по черной спинке. – Дядь Коль, я сколько себя помню, у тебя только черные, зеленоглазые кошки приживаются. Люди, говорят, даже в очередь на котят к тебе записываются. Какими-то необычными их считают. Ты, случаем, не колдун?..

– Сдурел? – старик покачал головой, словно сожалея о глупости племянника. – Не в колдовстве тут дело, а... В судьбе, что ли? В сорок втором году эвакуировали нас с твоей матерью из-под Харькова, без родителей, убили уже их...

– Знаю, мать рассказывала – тихо вставил Витька.

Уже невыдуманная история своей жизни, рассказанная Петровичем Витьке

– Рассказывала, говоришь?.. – Петрович немного помолчал – Свиста бомб, Витька, не перескажешь. Было мне в ту пору двенадцать лет, а твоей матери пятнадцать. Из всех вещей, что мы с собой из дома захватили, остались к тому времени у нас только те, что на нас были надеты, чайник, мехо-

вой воротник от материнского пальто да черная кошка, которую я к груди прижимал. А во время одной из бомбежек приняла та кошка в себя осколочек, который мне предназначался. Крохотный осколочек, да только что бы пацана жизни лишить и такого хватило бы. Как и мать, та кошка меня собой заслонила. Помню, вагоны горят, люди мечутся, а я иду вдоль состава и к груди уже мертвую кошку прижимаю... Плакал я сильно, потому что мать вспомнил. Похоронил я кошку возле железнодорожной насыпи. Стою, возле ее могилы и уйти не могу, будто незримая сила меня возле нее держит. Потом снова немецкие самолеты налетели... Только сестра, мать твою, и солдат какой-то смогли меня от этой могилки оттащить да в окоп, от осколков спрятать. Вот с того самого времени, Витька, и приживаются у меня дома почему-то только черные кошки.

– Может быть, тогда и зародился этот... – неуверенно начал Витька и тут же замолчал.

– Что этот?

– Ну, сегодняшней страх твой, в общем?..

– Тогда? Нет. Самое страшное, Витька, для меня еще впереди было, – старик кивнул на бутылку. – Налей, что ли...

– Ничего себе! – удивился Витька – Ты ж не пьешь.

– С тоски чего не выпить? – старик взял наполовину наполненный стакан, немного подумал и заговорил снова. – Любимый страх, Витька, он не за один день в душе человека рождается. Он ведь как дитя малое, воспитывается и креп-

нет с годами. А, кроме того, заботы к себе требует и жалости. Жалости человека к самому себе.

– Что-то я не замечал, как ты себя жалеешь.

– Не замечал? – Петрович выпил водку и со стуком поставил стакан на стол. – Ну, не баба же я что бы такие вещи напоказ выставлять. Да и не все так просто, как кажется. Ты про войну в Корее слышал?

– Слышал. Только не от тебя. Из тебя же, дядь Коль, лишнего слова не вытянешь.

– Значит, нужных слов найти не мог, – Петрович встал и вышел в коридор. Вернулся он быстро. – На, кури, – старик поставил перед Витькой пепельницу. – Я хоть сам не балуюсь, а чужим дымом люблю подышать...

– Ты там про войну рассказывать начал, – напомнил Витька.

– Интересно? – Петрович улыбнулся – Ну, ладно, слушай... Давно это было, Витька, давно. Нас в то время учили и воспитывали по-другому и лишних вопросов мы не задавали. А приказ был коротким: в танк, ребята, и вперед. В восемь часов вечера пересекли мы корейскую границу, а в восемь утра уже мяли гусеницами чужие окопы...

– Страшно было?

– Отчего ж нет? Потом с американцами столкнулись... – старик беззлобно выругался. – Ох, и хитры же сволочи!.. Как только по радио русские матюки слышали, все подняли: и авиацию, и дальнобойную артиллерию. А когда все это на

нас обрушилось, то вроде как легче нам стало. Чего же, спрашивается, бояться, если, один черт, все равно конец пришел?..

– Даже так? – удивился Витька.

– От разума эти мысли шли, Витька, от разума. Ну, а тот животный инстинкт, который внутри каждого человека прячется, он только притаился до поры.

– Понятно. Ну, вы, конечно, этим американцам дали...

– Там всем поровну дали, и нашим, и тем, кто в спальную полосочку. Под самую завязку мы друг другу отвесили. Брали мы с собой в танк два боекомплекта и уже через час достреливали последние снаряды. Пару раз попадали и в наш танк, но мелковаты были снаряды, не брали броню. Так что везло нам спервоначала... Ну, а под какой-то деревушкой, названия ее я уже не помню, садануло в наш танк так, что гусеницы отлетели. Водителя и стрелка-радиста на месте положило, не ворохнулись даже ребята. А мы с Вовкой, дружок это мой был, – за люки. Рванули их раз, рванули другой, – заклинило люки. А вокруг-то огонь и не какой-нибудь, а с зеленью и таким ядовитым дымом, что мертвого наизнанку вывернет. Кричали мы страшно... Молодые, жить-то хочется и огонь... Кругом огонь! Как мы выбрались из танка, я уже смутно помню. Вроде как я Вовку из танка вытаскивал и пламя с него сбивал. Обгорели мы сильно...

Витька провел рукой по своему лицу.

– Это тебя на той войне обожгло?

– Ну, не в бане же! Взвалил я на себя своего дружка и пополз куда глаза глядят. Лишь бы подальше от этой каши, в которой кровь с железом напополам перемешалась. Потом задело меня осколком... В себя пришел, чувствую, а меня уже Вовка на себе тащит. Тут снова взрыв... Вовка матерится и кричит: «Колька, ползи дальше один, а я все!...» Ноги ему перебило. Вот так мы и ехали друг на дружке, пока не свалились в окоп к американцам...

– Ты, выходит, и в плену был?

– Был. Только меньше суток. Ну, а как освободили нас...

– Подожди, – перебил Витька. – А в плену-то что было. Допрашивали вас?

– Ну, а как же! Был там один американец-жирнячок, по-нашему хорошо говорил. Из русских он, вроде бы, был, из эмигрантов. Да ну их, Витьк, этих империалистов!

– Не спеши, дядь Коль. Спрашивали-то что?

– Что положено. Зачем вы, мол, русские воюете? Несправедливая это для вас война.

– А ты что?

– Ну, а я ему ответил, что он тоже здесь не за свою корейскую маму очередной слой сала наращивает.

– А он?

– А он мне про ООН и про мою маму. Поговорили, короче. Утром освободили нас китайцы. В атаку они пошли и пошли страшно – навалом... – старик немного помолчал. – Вот так и закончилась для меня та война, Витька. Дружок

мой Вовка в госпитале умер, а меня самого – за шкуру и в следственный изолятор. Следовательно мне попался куда как хуже того жирного американца. Американец хоть и в чужой форме был, а все-таки хоть воды нам дал напиться. Наш же, сволочь, дымит в лицо папироской и такие вопросы задает, что поневоле начнешь себя подонком чувствовать. Почему, мол, жив остался? Почему не застрелился? Вас же, мол, предупреждали, что бы ни одна живая душа не знала о том, что русские ребята в танках сидят.

Про тюремные порядки ты и без меня слышал, там законы такие, что не пригнешь голову – снесут. Вот так в первый раз в жизни я и поклонился, блатарям, что на нарах в камере сидели и следователю, что в кабинете на моих глазах секретаршу лапал. Не убивайте, мол, меня, братцы, жить я очень хочу... Ты только правильно пойми меня, Витьк, я никого не предал, на брюхе не перед кем не ползал, но вот тут, – старик ткнул себя в грудь, – тут, у меня что-то сломалось и не как-нибудь, а с хрустом. Себя я жалеть начал и особенно после того, как блатные на моих глазах какого-то парнишку кончили. Не угодил он им чем-то, вот они его ножом и пырнули. Но сколько бы я не убеждал следователя, сколько не просил, получил я свой «червонец». А если бы не смерть Кормильца в пятьдесят третьем отсидел бы я тот срок от звонка до звонка...

Витька нетерпеливо заерзал на стуле.

– Дядь Коль, так это все еще когда было? Сталин – дело

прошлое, а корейцы без нас разберутся. Плюнь ты и забудь все свои страхи!

Старик тяжело вздохнул.

– А ты думаешь, я иначе поступил, когда освободился? Женился, дом вот это построил. На работу мастером в ремесленное училище пошел... – старик посветлел лицом. – С детьми-то всегда весело... Хотя и не просто совсем. Слышь, Витьк, потом пацаны, ученики мои, дознались все-таки где и как мне лицо обожгло. И знаешь, шутку такую, идолята, удумали? Кто-нибудь на уроке возьмет, значит, да и крикнет: «Глухо как в танке!..» И веришь – нет, Витек, вокруг меня словно все разом вдруг вспыхнет: огонь, дым и стены уже не стены, а танковая броня. Я кричу: «Вовка, Вовка!..» и как слепой по стене руками шарю – люк ищу. Задыхаюсь, рубаху на себе рву, а пацанам смешно...

– Ты бы их, стервецов, за уши.

– Толку-то?... Это же дети. Ушел я оттуда.

Старик замолчал.

– Ну, так чего же ты все-таки боишься? – спросил Витька
– Войны, что ли?

– Нет, не войны. Повоевал и посидел чуток ни за что – это ладно. В Афганистане тоже кое-кто не в тут сторону в атаку ходил. Но потом садануло меня, как подраненную утку, из второго ствола...

– Тетя Люба?.. – тихо спросил Витька.

– Она... Жил я, Витька, со своей женой душа в душу и

жизнь казалась нам радостной и светлой как праздник. Трудно, конечно, было, но ведь если счастье только деньгами мерить, вряд ли и миллионер себя счастливым почувствует. Короче говоря, решили мы с Любой пристройку у дому сделать. Пошла и она на работу на авиационный завод, что бы лишнюю копейку принести. Ну и вот, значит... Люба часто во вторую смену работала. Я ее всегда встречал после смены. Наш-то поселок – городская окраина... А в то время он совсем глухим местом был: ни милиции тебе, ни телефонов, лишь одни фонари на столбах да и то кое-где. Как-то раз отпросилась Люба с работы пораньше – Светка у нас приболела. Я не знал об этом, иначе не было бы беды. Короче говоря, по дороге домой пристали к Любаше двое из местной шпаны: Федька Лом, который уже год как в бегах числился, и брат его двоюродный Серый. Люба и крикнуть не успела, как они по голове ее ударили. Время хоть и позднее было, но недалеко ребятишки в прятки играли. Один из них и прибежал ко мне домой – заметить пацан успел, куда та шпана Любу потащила... Он и показал мне тот сарай, в котором мать Лома его от милиции прятала.

Дверь я с ходу вышиб, хлипкая она была, дверь-то... Смотрю, керосиновая лампа на столе горит, а в углу, на кровати, Лом и Серый платье с Любашки рвут. Драка у нас страшная получилось, до смерти, но тогда, признаться, я только рад этому был. Решил про себя, что-либо они из этого сарая живыми выйдут, либо я. Серого я сразу кирпичом, который

на улице пододбать успел, по голове сильно задел... Он только взвизгнул по-собачьи и в угол отлетел. Федька Лом нож достал, но не помог ему нож... Даже если бы и ударил он меня им, все равно я до его глотки добраться успел. Мужик я тогда неслабый был, да и года твои, не старше. Скоро подмял я под себя Лома. Бил я его страшно, так, что под кулаками хрустело... За это время Серый в себя прийти успел и тем кирпичом, что я бросил – меня по голове. Помутилось у меня все перед глазами, но сознания все ж таки не потерял. Злость не дала. Серый мужиком хлипким оказался, так что и он скоро рядом со своим дружком на пол прилег. А мне кровь глаза застилает, чувствую я, еще чуть-чуть и все – рухну. Взял я Любашу на руки, – слишком сильно ее ударили сволочи, видно не рассчитали спьяну, и – вон из сарая. Шагов десять прошел, упал... Слышу, жена шепчет: «Коля, ты дочку нашу не бросай!.. Не бросай!» Дальше – все, темнота... Когда в себя пришел, смотрю, а сарай уже во всю полыхает. Не поджигал я его, Витька!.. И знаешь... До сих пор мне кажется, что когда я Любашу из сарая выносил, она и сшибла рукой, той, что у нее на отлете была, на пол керосиновую лампу. Сама своих убийц казнила. Потом Лешкин отец с братьями прибежал. Увели они меня и Любашу унесли. Мертвую уже унесли...

Старик замолчал и с силой потер лицо руками. Витька молча курил, сосредоточенно рассматривая стол.

– На следующий день, – продолжил Петрович. – Обнару-

жила милиция на месте пожарища два обгоревших трупа. Эксперты определили, что еще живыми эти подонки сгорели, но следствия считай что и не было. Один, мол, беглый бандит, другой ничем не лучше его, так может быть они друг с другом что-нибудь не поделили?.. Хотел я в милицию пойти, но отговорил меня Лешкин отец с братьями. То, что ты жену защищал, сказали, это понятно. Но за то, что ты сарай с еще живыми бандитами спалил, за это тебе присудят лет пять, не меньше, а обратного, мол, тебе доказать не удастся. Ну, а лагерной баланды я уже попробовал и хорошо знал, чем она пахнет. Да и дочка... Ее-то куда денешь? Вот так и вышло, Витька, что я свою Любу вроде как украдкой спасал – во второй раз пришлось мне пригнуть свою головушку. Тошно мне было, ох, как тошно! Но куда же, спрашивается, денешься, если деться некуда? Болел душой я после смерти Любаши долго, года два, не меньше. Мир темным мне казался и если бы не дочь, как знать, может и наложил бы я на себя руки. Врач сказал мне, что, мол, выход своим эмоциям давать нужно, не копить их, как червяков в банке перед рыбалкой. А о каком таком выходе говорить можно, если я жить привык крадучись? Любу мою и то по вранью похоронили: с лестницы, мол, она упала, а соседи подтвердили. Вот с тех пор и живу я, Витька, вроде как наполовину: одна половина здесь, а вторая там, в прошлом вместе со всей темнотой, что на мою долю выпала. Потому и поселился во мне страх. Пустоту он любит и ведет себя в ней не иначе как по-

хозяйски...

Витька скомкал сигарету, встал и подошел к окну. Скрипнула форточка. Подставив лицо потоку прохладного и свежего воздуха, Витька глубоко и шумно вздохнул.

Пауза была длинной и тяжелой.

– Давай спать ложиться, – глухо попросил Петрович. – Пора уже...

В спальне Витька, не раздеваясь, упал лицом в подушку. Сон не пришел ни через пять минут, ни через десять, ни через полчаса. Было слышно, как за дверью ворочается на диване Петрович.

Витька лег на спину и посмотрел в потолок. На белом скользили неясные, ночные тени. Витька закрыл глаза и громко сказал:

– Черт!..

– Ты что ругаешься? – окликнул Витьку Петрович.

– Злюсь.

– Дурак. Спи лучше.

– Не могу!.. – Витька открыл глаза и снова посмотрел на белый потолок. Игра теней чем-то напоминала ночную, снежную пургу.

Читать свои стихи Витька начал как всегда неожиданно, в том числе и для самого себя:

За что дана нам яростная грусть

О том, что есть жар-птица за морями?
Я в сани белые сажусь
Занузданные пьяными чертями.
Увидеть раз
И умереть – не грех,
Что может быть безудержней охоты?
И я лечу под сумасшедший смех,
Под неумолчный, чертенячий хохот.
Прости жена,
Прости, что я не смог
В который раз сдержать своей печали,
За то, что на иконе плачет Бог,
За то, что снова сел я в эти сани.
Прости мне мама то, что я седой,
Почти как ты
И в снежной круговерти,
Лечу как в бездну за своей мечтой
Навстречу то ли счастьем,
То ли смерти...
Земля дрожит и на дыбы встает,
В лицо то снег, то шерсть с чертей клоками,
Под плетью извернулся левый черт
И вырвал вожжи желтыми зубами.
Теперь мне вожжи – мой нателный крест,
Шнурок суровый сердце рвет на части
Да судоржный, крестоподобный жест

Кривит ухмылкой хрипнувшие пасти.

Ты – поле русское!..

Мне слышится набат,

Гул конницы, звон сумасшедшей схватки...

Смотри!..

За брата умирает брат

И рубятся друг с другом братья.

Спаси и сохрани...

Согрей!.. Согрей, смерть, путника в безмерной этой дали,

Как ты когда-то русские полки

Здесь русской кровью щедро согревала...

Голос племянника трагически дрогнул.

«Придумает же!.. – улыбаясь, подумал про себя старик. –

И главное, сам-то переживает... Чудно, одним словом».

Прости мне Бог...

Мне водка горло жжет,

А сердце рвет безудержность печали:

Слабеет тот, что справа черт,

А два других вдруг сразу захромали...

И оборвался вдруг чертячий хрип и вой,

Как скошенные – разом – пали черти,

Какая еще бездна предо мной!..

Но стали сани тихим шагом смерти.

Один...

Один!

Какая тишина,

И мертвый скрип и скрежет под ногами...

Мне холодно...

Мне холодно!

И я,

Я плачу над подохшими чертями.

Где ты жар-птица?

Что ты и зачем

Зовешь меня?

Из этой снежной дали

Мне не уйти.

Ведь нет таких коней,

Что б до тебя хоть раз, но долетали.

Иду домой...

Что б было веселей

Поет пурга мне в снежной круговерти.

Да ну их к бесу, этих жар-курей,

Мне просто жаль, что сдохли мои черти...

Петрович шумно вздохнул.

– Все-таки и на самом деле чудной ты, Витька. Трудно тебе понять.

Витька улыбнулся.

– А зачем меня понимать? Не надо меня понимать.

– Это почему?

– А потому что, дядь Коль, так жить интереснее.

Глава четвертая

Витька разбудил Петровича глубокой ночью. Его глаза радостно блестели.

– Дядь Коль, я нашел!

Петрович посмотрел на часы. Стрелки показывали половину второго.

– Что нашел? – нехотя спросил старик.

– Выход, – не в силах справиться с охватившим его возбуждением Витька встал и принялся расхаживать по комнате. – Ты в деревню переехать хочешь? Что ж, можно. Только для этого деньги нужны и не малые. А за твою халупу много не выручишь. У нас, в деревне, хороший дом как минимум вдвое дороже стоит. Потому что шоссе – до центрального городского рынка и езды всего двадцать километров со всеми извилинами. Кстати, есть у меня на примете один приличный домик: газ, вода, телефон и огород полгектара. Даже две коровы есть. Заберем Светку с детьми и айда к нам! Я ей и мужа у нас подыщу.

– Тоже на примете есть?

– Есть. Хороший мужик, мы с ним вместе в Афгане воевали. Только он без одной ноги, правда...

– Голова-то хоть цела?

Витька поморщился.

– Дядь Коль, ты пойми, тебе на переезд деньги нужны. Валюта! Примерно тысяча двадцать-тридцать. А лучше сорок.

– Ладно, завтра заработаем, – Петрович взбил кулаком подушку и, уткнувшись в нее лицом, пробормотал: – Господи, прости ты этого дурака!

– Дядь Коль, я знаю где взять эти деньги, – твердо сказал Витька.

– Отстань, алкоголик. Когда-нибудь ты точно допьешься до белой горячки! – повысил голос старик.

– Дядь Коль...

– Ну?

– Может выслушаешь меня, а?

– Да, тьфу ты!.. – взорвался старик. – Ты, Витька, то на чертях к Богу едешь, то валюту какую-то по ночам разыскиваешь. Никакого покоя от тебя нет.

Но отстать от Витьки было не просто. В конце концов, устав перепираться с племянником, Петрович согласился его выслушать. Старик лег на спину, положил руки за голову и принялся рассматривать стоящий напротив шкаф.

Витька потер ладони.

– Так-с, значит... В чем самая главная проблема, дядь Коль? – начал он. – Самое главное нужно определить, что мы можем сделать, а за что нам не стоит браться. Мы не «новые русские» и из воздуха деньги делать не умеем. Нам нужен реальный бизнес. Понимаешь? Свой бизнес. Это сейчас уже можно.

– А какой бизнес, кролики, что ли?.. Так они не из золота.

– Нет, не кролики, – Витька выдержал довольно выразительную паузу. – Кошки, дядь Коль. Твои черные зеленоглазые кошки. В сущности они – пока еще не проконвертированная валюта.

Старик встал, подошел к столу и налил стакан водки. Вернувшись, он протянул его племяннику.

– На, пей, балбес, и ложись спать.

Витька отставил стакан в сторону.

– Дядь Коль, ведь все соседи твоих кошек какими-то необычными считают. За ними даже очередь стоит.

– Ну?

– Что ну? Вот и будем их продавать.

– За три копейки? Позора больше будет.

– Правильно, но это если вести дело без размаха, – Витька подмигнул старику. – Любой бизнес, дядь Коль, имеет идиотский вид до тех пор, пока он не начинает приносить солидные доходы.

– Нет, Витьк, ты все-таки балда. Шалопай, одним словом...

Витька громко рассмеялся.

– Да не балда я, дядь Коль, и тем более шалопай! Я хорошо знаю, что сейчас у нас в стране есть очень много богатых людей. А им есть что терять кроме золотых цепей. Усек?.. Я предложу им защиту на уровне мистики – черную кошку. Черные котята от Петровича!.. Звучит, а?! Рекламу я бе-

ру на себя. Самое главное, дядь Коль, что про твоих кошек уже давно знают. При желании этих зеленоглазых феноменов можно будет продавать на два порядка дороже черно-бурых лисиц. Правда, для этого нужен ажиотажный спрос, но я его гарантирую. Есть и еще одна проблема: конкуренция. Так что для начала, дядь Коль, нам с тобой придется стать монополистами в кошачьем бизнесе. Меня интересует не столько прибыль, сколько сверхприбыль. Повторюсь, главное это ажиотажный спрос, но он будет потому что за дело берусь я!..

– Слышь, Витьк, – старик широко улыбнулся. – Я вот помню, ты как-то раз разбогатеть решил и нутрий в своем хозяйстве завел. Так они, эти нутрии, по вечерам строим, как солдаты в баню, в колхозный свинарник ужинать ходили. От деревенских собак обороняться научились: станут кругом, внутри самки с нутрятами, а снаружи самцы, и прут сквозь собачью стаю. Вся деревня собиралась на такое представление посмотреть. Правда, никто понять не мог, зачем, мол, нутрии к тебе возвращаются?

– Дядь Коль, во-первых, это не я разбогатеть решил, а моя женушка, – спокойно возразил Витька. – А, во-вторых, я ее предупреждал, что ничего путного из этого не получится. У меня что, своих дел нет?! Я потом этих нутрий скопом и продал...

– И попить чайку к тебе те нутрии больше не приходили?

– Дядь Коль, я, между прочим, тебе о серьезных вещах говорю!

– А вот еще был случай, – продолжил Петрович. – Поспори́л ты как-то раз с деревенскими мужиками, что скрестишь кролика с зайчихой. Новую породу ты вывести решил – скоростную и морозоустойчивую. Поймал ты, значит, в силки зайчиху, а потом вместе с кроликом ее три дня насиловал. Правда, как потом выяснилось, не зайчика это была, а заяц. Так ты к какому греху, племянничек, животных склонял?

Витька развел руками.

– Дядь Коль, ты в деревню уехать хочешь? Не один, конечно, а вместе с дочкой и внуками?

Старик помрачнел.

– Ну, хочу...

– Правильно. Но для этого деньги тебе нужны. Понимаешь? Деньги, темная твоя, социалистическая душа!..

– А как много мы с тобой за моих трех кошек с котом выручим? Миллион, что ли?

Витька сел на диван рядом с Петровичем.

– Дядь Коль, давай поговорим откровенно. Ты веришь, что кошки твои какие-то необычные?

Старик немного подумал.

– Нет, конечно...

– Правильно, – твердо сказал Витька. – Гениальных кошек не бывает. Короче говоря, дядь Коль, твоя Багира ничем не отличается от других черных и зеленоглазых кошек. Понял?

– Нет, – честно признался старик.

– Во воспитание, а?!... – Витька ударил кулаком по ладони

– Дядь Коля, тебя что, всю жизнь в социалистическом раю ангелы нянчили? Посмотри в окошко, двадцатый век через пару лет кончится. Так что повторяю еще раз и только для бестолковых: да, черная кошка сама по себе ничего не стоит. Но если ее будешь продавать ты, за нее, при наличии ажиотажного спроса, можно выручить неплохие бабки. И чем больше у тебя будет черных, зеленоглазых кошек, тем лучше. Теперь усек?

– Усек, – кивнул старик. – Жульничество это, чужих ворованных котов продавать.

– Да, если бы твоя Багира и в самом деле была какой-нибудь особенной кошкой! Понимаешь?.. Тогда речь могла идти о подмене качественного товара элементарной подделкой. А что мы имеем в нашем случае? Покупатель хочет приобрести черную, зеленоглазую кошку «от Петровича»? Что ж, он ее получит. А теперь объясни мне, в чем тут заключается обман?

Старик задумался.

– Значит ты, Витька, хочешь подавать то, чего у нас с тобой сейчас на самом деле нету?

Лицо племянника чуть заметно дрогнуло.

– Почему это нету? – возразил он. – А может быть черные, зеленоглазые кошки и в самом деле чуть-чуть особенные? Только не одни твои, а все? А, кроме того, мы же не рабочим и крестьянам их продавать будем. Ты, дядь Коля, как к богачам относишься?

Старик поморщился. Российских нуворишей Петрович не любил и на выборах всегда голосовал за коммунистов.

– Вот видишь!.. – в глазах племянника снова зажегся хитрый, змеиный огонек. – Так что моральная проблема отпадает сама собой. В конце концов, тебе на что деньги нужны? На благородное дело. А кто тебе поможет кроме меня?.. Государство, что ли?.. Так этот «Робин Гуд» если и грабит олигархов, то все награбленное отдает другим, при чем таким же. А вся эта дележка происходит только в пределах московского Садового кольца...

Договорить Витька не успел. На кухне зазвенело разбитое стекло и что-то с силой ударило в стену комнаты. Витька метнулся на кухню. Вернулся он, оттуда держа в руки увесистый булыжник.

– Ну, суки!.. – пробормотал племянник – Ну, суки, держитесь!

Затем, очевидно, решив что все слова излишни, он рванул дверь на улицу.

«Теперь Серега со своими дружками покоя не даст, – с тоской подумал Петрович. – Ох, Витька, Витька, принесла тебя нелегкая!»

– А-а-а, что б тебя!.. Руку сломаешь!.. – почти сразу донесся со двора, через широко распахнутую дверь, чужой злой голос.

Тут же послышался сильный звук удара по чему-то мягкому и Витькин почти звериный рык. Затрещал забор. С ха-

рактерным звуком рухнули и покатались по земле недавно уложенные Петровичем в аккуратную горку бревна.

Петрович механически нашарил тапочки непослушными ногами. Старик с ужасом думал о том, что возле кроличьего сарайчика лежат оставленные им вилы и тяжелый топор-колун. Не зная, что делать, старик бросился к старому сундуку. Там, на самом его дне, была спрятана заряженная мелкой дробью двустволка.

Во дворе было темно как в чулане. Вышедший со света старик едва не упал, споткнувшись о лежащее на земле, возле самого порога, тело в желтой куртке. Незнакомец держался обеими руками за разбитое лицо и громко стонал.

Петрович поднял ружье, собираясь пальнуть в воздух.

– Не надо, дядь Коль, все уже, – из темноты, навстречу Петровичу, шагнул Витька. – Вот козлы!.. Вилы сломали, гады...

Племянник швырнул к ногам старика изломанный черенок. Острые иглы вил тускло блеснули.

Витька подошел к лежащему на земле парню и дал ему увесистого пинка. Тот быстро вскочил и исчез в темноте.

– Пожалуй, пару дней будет тихо, – Витька потрогал чуть припухшую скулу. – Больше не гарантирую.

На кухне племянник осмотрел разбитое окно.

– Ерунда, дядь Коль, – заключил он. – Завтра все сделаю.

Витька взял стакан с водкой, который еще недавно предлагал ему Петрович и по-заговорщески подмигнул.

– Говорят от нервов хорошо помогает...

Старика бил мелкий, противный озноб.

Витька подошел к нему и обнял за плечи.

– Ну что, дядь Коль, будем перебираться в деревню?

– К огороду поближе? – тоскливо спросил Петрович.

– К нему, родимому.

– Ну, если такие дела, давай попробуем, – Петрович тяжело вздохнул. – Теперь, Витька, мне все равно тут не жить...

Глава пятая

На свете существовало довольно много дел, которые Витька не умел делать всерьез. Например, однажды Петровичу удалось понаблюдать за тем, как его племянник стирал носки: Витька надел носки на руки и мыл их под краном так, как моют руки. Потом он попробовал набрать воду в носок – вода легко проходила через едва отмытую ткань, племянник счел труд оконченным и отложил носки в сторону. Он терпеть не мог бытовых мелочей.

Утром Витька отправился в киоск за газетами. Вернувшись с целой пачкой, он принялся внимательно рассматривать многостраничную «Из рук в руки». Его интересовали объявления о купле и продаже животных. Добравшись до последней страницы и узнав, что за объявления, обведенные рамочкой все-таки нужно платить, Витька почесал затылок.

Петрович хлопотал на кухне. Он думал о том, что разбитое окно, пожалуй, тоже мало волнует племянника.

Хлопнула входная дверь. Старик оглянулся. На пороге стояла Света с детьми. За ее спиной маячило красивое и злое лицо Витькиной жены Лены.

– Проходи, – старик кивнул дочери на кухонный стол. – Готовить мне поможешь. А твой, – он показал Лене на дверь в спальню. – Там... После ночного сна отдыхать изволят-с.

– Выгнал? – чуть погодя спросил старик дочь.

Светка кивнула.

– Да.

– Бил?

– Нет, – коротко ответила Света.

Петрович покачал головой и решил, что Витька, пожалуй, был прав, когда говорил, что битая физиономия кое-что да значит.

Появление жены не произвело на Витьку никакого впечатления. Он с интересом продолжал рассматривать газету. Лена с шумом пододвинула к себе стул и села.

Витька молчал. Лежащая рядом с ним Багира лениво открыла один глаз и посмотрела на молодую женщину. Лена кусала губы и сверлила ненавидящим взглядом лицо Витьки.

Пауза была долгой и многозначительной.

– Зачем приехала? – наконец, не отрываясь от газеты, спросил Витька.

– Разводиться! – почти выкрикнула Лена.

– Так, понятно. Могу чем-то помочь?

– Да.

Витька убрал газету и с любопытством посмотрел на жену. Соглашаться с мужем было совсем не в ее характере.

– И чем же?

Лена сердито сопела. Она отвела глаза и посмотрела в окно.

Петрович уже вышел во двор и кормил кроликов. Пре-

рвав привычное занятие, он подозвал одну из черных кошек. Старик взял ее на руки и принялся внимательно рассматривать. Отпустив животное, он почесал затылок и презрительно плюнул.

Витька снова уткнулся в газету.

– Отдам котенка в хорошие руки, – вслух прочитал он и тут же пояснил. – Наверное, кошка окатилась... Хорошо, если черная.

Лена заплакала. Она плакала тихо, почти по-детски, словно ее обида наконец-то заставила поверить в безнадежность сложившейся ситуации.

– Витьк, я с тобой по-хорошему развестись хочу, без зла, – сквозь слезы заговорила Лена. – Честное слово, сил больше нет... Прости, конечно, но я смотреть на тебя спокойно не могу. Потому что когда вижу, как сейчас например, то мне тебя ударить хочется... Чем-нибудь тяжелым.

Багира дернула хвостом и перевела взгляд на Витьку. Тот с шумом перевернул газетную страницу.

– Что ты меня на тот свет отправить хочешь, это я уже и без тебя знаю, – спокойно ответил Витька. – Но помочь-то я тебе, чем могу?

– Уйти мне надо от тебя, Вить... И куда-нибудь подальше, что б глаза мои тебя не видели.

– Нечего было за дурака замуж выходить, – рассудительно заметил Витька. – Хотя, ладно... От меня-то ты чего хочешь? Что бы я тебя на край света на руках отнес?

Лена вдруг облегченно вздохнула и вытерла слезы. Она взяла со стола небольшое зеркальце и тщательно осмотрела свое лицо.

– На руках – не на руках, не в этом дело, – уже более уверено и твердо заговорила молодая женщина. – Вить, ты пойми, я же с тобой почти десять лет прожила. Не могу я вот так, запросто, дверью хлопнуть.

– Ты уже пробовала. И не раз.

– Тогда ерунда была, – отмахнулась Лена. – А вот теперь все по-настоящему.

– Любопытно. Ну-ну?..

Женщина вытерла остатки слез.

– Вить, давай с тобой немного поживем так, как будто мы уже развелись, а? Только вместе. Мне время нужно, что бы привыкнуть.

– К чему?

– Ну, что ты уже не мой муж. Ты пойми, Вить, я же баба, а все бабы они же привязчивые как... – Лена посмотрела на Багиру. – Ну, в общем, понятно как. А кроме тебя у меня никого другого пока нет. Совсем нет, понимаешь?

– Сама виновата. Кстати, где жить-то будем?.. Здесь, у Петровича?

– А почему нет? Мои родители за детьми и хозяйством пока присмотрят. Мы с тобой в отпуске ни разу не были. Вот и отдохнем, кстати.

Витька задумчиво почесал кончик носа.

– Ладно, давай... Только боюсь, не получится у нас тобой отдыха.

– Вить, я к тебе, честное слово, ни с какими глупостями лезть не буду! – Лена прижала руки к пышной груди. – Ей-богу же!.. Ты делай что хочешь, но я тебя об одном прошу, ради Бога, не приводи ты больше домой своих баб.

– Да что такого я сделал?! – в свою очередь громко возмутился Витька. – Ну, зашел ко мне вчера Петька с двумя девочками. Одна – его невеста, вторая – ее сестра. Жениться наконец-то Петька собрался. Ну, выпили мы с ним по стакану пива вот и все. Кроме того, я же колодец ремонтировал и отвлекся-то только на минутку...

– А тогда почему ты от меня в баню прятаться побежал?

– Куда же от тебя бежать, спрашивается, если ты на Петьку с табуреткой набросилась?

– А дверь в баню, почему держал?

– Потому что ты ее одной рукой дергала. А во второй руке у тебя что было? Случаем, не утюг? – Витька снова повысил голос. – И почему это ты меня допрашиваешь, а не я тебя? Ты мне лучше ответь, за каким чертом нужно было баню поджигать? Совсем уже офанарела, да?

– А мне было интересно, как ты из бани выскочишь, – Лена хищно улыбнулась. – Вместе с дверью.

Витька поморщился и обиженно замолчал. Багира зевнула и принялась деловито вылизывать шерстку языком.

Лена пересела к мужу на диван и погладила его по руке.

– Ладно тебе, Витечка. Как говорится, это дело уже прошлое. Только ты так больше не делай. Хорошо?..

Витька хотел было плюнуть с досады, но, взглянув на чистый пол, передумал.

Супруги немного помолчали.

– Жить-то как потом, без меня, собираешься? – безразлично спросил Витька.

– Не пропаду, – Лена взяла в ладошки руку мужа и задумчиво провела по ней пальцем. – Тебя из дома гнать не собираюсь, у мамы с папой жить буду. Там добра на всех хватит. И на алименты на тебя подавать не буду.

– К детям потомпустишь?

– Почему нет? Смотри, сколько захочешь.

– Смотри!.. – Витька усмехнулся. – Прямо как в зоопарке. Ну, а в личной жизни что планируешь?

– Одна не останусь. Мне же только тридцать в этом году исполнилось.

– Замуж выйдешь?

– Сначала посмотрю за кого.

– Понятно. Не за такого как я, конечно.

– Ну, еще бы!..

Витька попытался встать, но Лена удержала мужа.

– Вить, давай по-хорошему разведемся, а? – Рука Витьки снова оказалась в сильных, женских ладошках. – Ну, пожалуйста!..

Опостылевший муж перестал сопротивляться.

– Тебе сколько времени нужно?

– Неделю.

В комнату заглянул Петрович.

– Воркуете, голубки?

– Все нормально, дядь Коль, – откликнулся Витька.

– Ленка к нам с ночевкой или как? – спросил старик.

– С ночевкой. Дядь Коль, мы у тебя поживем с недельку, а?

– Тогда так решим, – Петрович немного подумал. – Вы тут располагайтесь, Светка с детьми в большой комнате жить будет, ну а я на кухне. Всем места хватит.

Когда дверь захлопнулась, Витька встал.

– Ну, я пошел.

– Куда? – искренне удивилась Лена.

– Топиться с горя в ближайшей луже, – Витька подмигнул жене. – Да и вот еще что, ты дяде Коле про наш будущий развод не говори.

– Да что я, дура?!

Витька быстро вышел.

Багира спрыгнула с дивана и направилась следом. Уже открыв лапой дверь, кошка вдруг оглянулась и принялась внимательно и даже как будто осуждающе, рассматривать Лену. Взгляды молодой женщины и кошки встретились. Первой не выдержала и отвела глаза Лена.

– Еще ты тут на меня смотреть будешь! – прикрикнула Лена и замахнулась на кошку зеркальцем.

Багира удалилась, не потеряв при этом ни йоты своего кощачьего достоинства.

Лена повертела в руках зеркальце. Она отвела его на расстояние вытянутой руки и заглянула в него... На диване сидела красавица со строгим, волевым лицом. Глядя на ее со стороны, очень трудно было поверить в то, что всего несколько минут назад она горько плакала.

Глава шестая

Путь до брошенного два года назад военными аэродрома занимал не более получаса. Сначала дорога шла вдоль лесополосы, потом ныряла в овраг и, наконец, взобравшись наверх, еще метров двести тянулась возле рядов колючей проволоки. Вокруг было тихо и безлюдно.

Петрович прихватил с собой небольшой, ухватистый топорик – от Серегы можно было ждать любой подлой выходки – и теперь старик прилагал все усилия к тому, что бы топорик случайно не выскользнул у него из-под полы пиджака.

Витька беспечно оглядывался по сторонам и находился в самом прекрасном расположении духа.

– Это хорошо, дядь Коль, что ты на окраине города живешь, – болтал он. – Суеты меньше, а простора больше. Не то что в центре. Ох, уж эта мне городские тараканьи гонки без финиша. Если я хочу купить мороженное, то почему я должен расталкивать других локтями?.. В этом нет истины, – Витька взял Петровича под локоть и сделал вид, что собирается выслушать возражения. – Ты, наверное, хочешь сказать, мудрый старик, что только поиски истины могут сделать человека настоящим глупцом?

– Отстань, балабол, – отмахнулся Петрович.

Топорик едва не выскользнул из-под полы. Петрович при-

бавил шагу.

– Нет, искать истину все-таки стоит! – Витька произносил свой полусутольный монолог, уже рассматривая спину старика. – А знаешь почему? Иначе нам будет скучно жить. Что такое истина, Петрович? Это тихая-тихая трель, которую невозможно услышать в водопаде жизни. В грохоте водопада можно услышать только правду, потому что правда, в отличие от истины, уже оружие... Правда – оружие пролетариата и циничных политиков. Ты когда-нибудь видел меч в руках правосудия, Петрович? Это и есть правда. Но истина...

– Пустомеля ты, – строго оборвал старик. – Просто болтун и все.

Витька весело рассмеялся.

– Правда, Петрович!..

Здание бывшей авиадиспетчерской понравилось Витьке сразу. Во-первых, оно было трехэтажным и кирпичным, во-вторых, все оконные рамы, начиная со второго этажа, были еще целы. В-третьих, на железных дверях авиадиспетчерской висел, уже давно орошаемый дождями, плакатик: «Если еще хоть раз поймаю кого-нибудь с оконной рамой, буду бить по морде не смотря на возраст! Майор Б.М.Кузьмин».

Витька удовлетворенно кивнул.

– Наверное, brave майор Кузьмин еще не нарывался на генерала с похищенным оконным переплетом, – заметил он. – Молодой иш-ш-шо майорчик.

– Слышь, Витьк, – окликнул племянника Петрович. – А наше хозяйство будет как называться? Котоферма, что ли?

Витька гыгыкнул.

– Наверное. Но лучше кошкоферма. Нам кошки нужнее – от них приплод.

В подъезде Витьку заинтересовал вход в подвал. Железная дверь со скрипом распахнулась. Отсвечивающие белым бетонные порожки уходили в темноту. Витька пригнулся и, опершись на лестничный пролет, посмотрел вниз.

– Не достроили порожки, господа нервные военные, – сказал он. – На полпути обрываются... Вот черт, хода в подвал нет.

– А к чему он тебе, подвал-то? – спросил Петрович.

– Мало ли... – голос Витьки многократно отражался от стен подвала и звучал неприятно глухо.

– А-а-а!!... – что было силы рывкнул он.

Эхо было неожиданно слабым и странно глухим:

– У-у...

– Чертов подвальчик, – заключил Витька. – Как чрево. Привидений в нем только не хватает. Ты как считаешь, дядь Коль?

Петрович подошел поближе. Из подвала пахло сухой плесенью и ржавчиной. Темнота была непроницаемой как шторка.

Под сердцем старика что-то неприятно шевельнулось.

– Закрой его, – с неприязнью сказал Петрович. – В такую

дыру ни одна кошка не полезет.

– Почему?

– Потому что это не подвал, а погреб какой-то. Не любят кошки погребов.

Компаньоны продолжили осмотр. Если не считать вырванных на первом этаже оконных рам, здание сохранилось в приличном состоянии. Правда, брошенный под ноги при спешной эвакуации мусор и общая нежилая неустроенность помещений, несколько портили впечатление. Но Витька не обращал внимания на мелочи. Собственный труд мог с успехом заменить арендную плату за крышу над головой.

Петрович поднял с пола новенькую солдатскую фляжку.

– И куда они бежали? – пробормотал старик. – Бомбили их, что ли?

– Приказ получили, вот и побежали, – отозвался из другой комнаты Витька. – У нас ведь всегда так, в спешке, все делается. Словно следом ведьма гонится.

Пол одной из комнат был густо устлан пустыми, пластмассовыми бутылками. Расталкивая их ногами, Петрович прошел в угол. Там, на стене, висел большой, красочный портрет летчика. Весело щуря молодые глаза, летчик улыбался так, словно знакомился с симпатичной девушкой. Ниже портрета старик прочитал: «Капитан Ершов Дмитрий Павлович. Пятого февраля 1996 года. Город Грозный. Приказом по части навечно внесен в списки полка штурмовой авиации».

«На Вовку похож, – подумал Петрович. – Эх, парень, па-

рень!.. Может быть, и навечно тебя в списки внесли, только улетел твой полк, а ты тут остался. Вот тебе и истина, Витька! Вот она, на стене, всеми забытая висит и никто ее не помнит кроме матери...»

Старик снял портрет со стены. Он вырвал из рамки толстую, упругую бумагу и, сложив ее несколько раз, сунул в карман.

– Нам нужен только второй и третий этаж, – между тем толковывал Петровичу Витька. – Потому что с первого наши кошки сбегут, не удержим. Перекроем вот эти двери, вон те и все – одного выхода вполне хватит. Чем перекрыть – не проблема, найдем, – Витька поднял с пола широкую доску и прислонил ее к стене. – Дядь Коль, кроме нас сюда, случаем, никто больше не сунется?

– Зачем?

– Ну, мало ли...

– Глухое это место, Витьк, и, к тому же, мертвое какое-то.

– А бомжи?

– Бомжи к людям жмутся, да и складская охрана их сюда не пропустит, – Петрович подошел к окну и показал на еле заметные вдалеке полукруглые крыши ангаров. – Там, у военных имущество кое-какое осталось. Вот они его и стерегут.

– А нас самих не турнут отсюда?

– Нет, если будем ходить сюда той дорогой, которой пришли. За лесополосой ее не видно.

Витька оглянулся вокруг.

– Эх, жалко мы инструмента с собой не прихватили! Можно было бы уже сегодня и начать.

– На вот... – картинно нахмурившись, Петрович протянул племяннику топор. – Твой универсальный инструмент.

– Ох, и скрытный же ты старик! – улыбнулся Витька – Будь моя воля, я бы тебя министром обороны назначил. От алкашей, разумеется.

Насвистывая себе под нос незамысловатый мотивчик, Витька приступил к работе. Старик смотрел на племянника и не мог налюбоваться. Казалось, Витька не делал ни одного лишнего движения. Одним ударом он рубил доски так, что по сколу, в ряд, обнажались вдруг сразу обессилевшие гвозди, а потерявшая вдвое в ширине доска настолько ловко ложилась на предназначенное ей место, что будь на месте Петровича мало знающий Витьку человек, он сразу же заговорил бы о везении. Прочие гвозди Витька дергал руками, при случае распрямляя топором их загнутые, ржавые концы. Все что попадалась ему под руку, сразу превращалось в необходимую вещь.

– Русь одним топором строилась, дядь Коль, – шутил Витька. – Так неужели я одним топором кошкофермы не построю? Сделаем так, что даже мышь не проскочит.

– Слышь, Витьк, мыши нам как раз нужны будут, – рассудительно заметил Петрович. – Зачем нам животных удовольствия лишать?

– Ты чье удовольствие имеешь в виду? – улыбнулся Витька. – Мышиное, что ли?

Племянник остановился и вытер со лба пот. Потом почесал затылок. Работать плохо, «со щелями», он не привык.

– Но в целом, ты прав, дядь Коля. Ладно, придумаем что-нибудь. Главное, тут места много. А у тебя дома много кошек держать нельзя. Люди сразу все поймут. Рынок, понимаешь, дураков не любит...

Закончив работу на втором этаже, Витька перешел на третий. Топор снова замелькал в воздухе. За час два старых канцелярских стола превратились в кухонный да такой, что хоть сейчас на продажу.

– Здесь будем кошкам еду готовить, – пояснил Витька. – Дядь Коля, у тебя кроликов сколько?

– Штук шестьдесят.

– Так, значит... – Витька что-то прикинул в уме. – Каждый кролик это, примерно, полтора килограмма требухи. Имеем центнер мяса. Маловато, елки-палки. Там у тебя, кажется, еще зерно было? Можно будет кашу варить.

– Зерно не дам, – буркнул старик. – Буду я еще зерно на котов тратить!

– Не жлобись, дядь Коля, – Витька весело блеснул глазами и продолжил подсчет. – Значит, зерно. Центнера четыре есть?

– Два.

– Значит три. Кстати, сюда еще нужно будет мышей при-

нести. На развод. А без зерна они отсюда уйдут.

– Если будет слишком много кошек, мыши и так сбегут.

– Ничего, мы с тобой не без головы родились. Обдумаем! – Витька посмотрел на потолок. – Надо бы еще лаз на крышу сделать.

– Зачем?

– Пропадут кошки без свежего воздуха.

– А не сбегут?

– С крыши?.. Не уйдут.

Витька закончил свою работу только ближе к вечеру. На небо набежали облака и начал накрапывать мелкий, осенний дождь. Быстро темнело...

– Шабаш, дядь Коль, – Витька протянул старику топорик. – Прячь.

У выхода из диспетчерской Витька неожиданно резко остановился. Задумавшийся было о своем нелегком житье Петрович с ходу ткнулся носом в плечо племянника.

– Слышишь? – Витька поднял руку. – Вроде бы плачет кто-то? Ребенок, что ли?..

Старик прислушался. Вокруг стояла полная тишина.

– Там, – Витька показал на двери подвала – Точно там.

– Откуда там ребенок? – возразил Петрович. – Может просто кошки дерутся?

– А кошки тут откуда? Мы их сюда пока не заселяли. И, кроме того, ты сам говорил, что в такой жуткий подвал ни одна кошка не пойдет, – Витька потянул на себя дверь под-

вала. – Эх, фонарика жалко не взяли!..

Витька потоптался у входа в подвал, не решаясь прыгнуть в темноту.

– Вроде стихло, что ли?

Нерешительность племянника передалась и старику.

– Витьк, пошли домой, а? – попросил он.

– Боишься?..

Петрович заглянул в уходящую вниз темноту. Она была похожа на бездну. Старик поежился и снова ощутил в груди противный холодок.

– Может и боюсь... Мне не привыкать, – его голос звучал так же глухо, как и эхо.

– А ты что-нибудь слышишь?

– Нет.

– Ладно, инспекцию придется отложить.

Через минуту после того, как Петрович и Витька направились домой, из подвала, настороженно оглядываясь по сторонам, вышла Багира. Следом за ней выпрыгнул молодой, крупный кот. Дома Петрович часто видел эту парочку вместе. Но, увидев здесь и сейчас, он бы сильно удивился. Кошки еще никогда не уходили так далеко от дома.

Багира уселась возле подъезда. Взмахнув лапой, она отогнала игриво заигрывающего с ней молодого кота, а потом долго и задумчиво смотрела на удаляющихся людей. Прежде чем направиться следом за ними кошка вернулась к подвалу и потянула ноздрями идущий оттуда запах. Молодой кот сел

рядом. Он уже собрался почесать у себя за ухом, но взглянув на Багиру замер. Кошка громко фыркнула. Вокруг не было ни единой живой души, но какое-то чувство подсказывало Багире, что это мертвое, недоброе место не долго будет оставаться пустым...

Витька гнал перед собой пустую консервную банку. Он изредка бросал на Петровича любопытствующие взгляды. Судя по сосредоточенному виду старика, его мысли были далеко.

– О чем думаешь, дядь Коль? – окликнул старика Витька.

– А-а-а?.. – Петрович мельком взглянул на племянника. – Слышь, Витьк, а дом-то в твоей деревне хороший?

– Какой дом?

– Ну, тот, который ты присмотрел?

– Хороший. В два раза больше чем твой: три комнаты и кухня. Правда, одна комната проходная.

«Я в проходной жить буду, – решил про себя Петрович. – Все равно по ночам плохо сплю. Да и с внуками, если они на глазах вертятся, веселее...»

– Дом-то рубленый или каменный? – уже вслух спросил он.

– Каменный. Ему лет тридцать всего. Так что этот дом еще пару веков простоит.

– Скажешь тоже, пару!.. – рассудительно заметил Петрович – Мне, Витьк, самому этот дом посмотреть надо. От тебя он далеко?

- Через одну улицу. Минут десять ходьбы.
- А огород?
- Что огород?
- Ухоженный?
- Да уж не бездельники там живут. Не хуже моего.
- Кто живет-то?
- Дед с бабкой. Ну, а теперь они в город, к сыну, переезжать собираются.
- Не пьет?
- Кто, дед с бабкой?
- Сын их.
- Нет. Хороший мужик.
- Ну, тогда понятное дело, почему дед с бабкой к сыну перебраться решили...

Петрович замолчал. Витька оглянулся по сторонам, не зная чем развлечься дальше. Не полностью растроченная за работой энергия требовала выхода.

Дождь усилился. На дороге начали собираться первые темные лужицы. Витьке капнуло за воротник. Он поежился и как всегда неожиданно начал:

Стакан вина – в брод!..
Пусть не поймет седая дама,
Что нам от этой жизни надо,
Стакан вина – и в брод!
Вода щекочет кожу горла,

Одежду брошенную сперли
И вор орет, что б осторожно
Переходили брод.
Прости нас Бог,
За то, что жили,
За то, что мы не знали «или»
За то, что люди, наконец,
Прости,
Пойми,
Прими, Отец!..
Прости за то, что мы молчали,
Прости за то, что мы не знали,
Прости за то, что там, в пыли,
Куда не зная мы ползли.
За что прощать нельзя, прости же!
Ты видишь?
Головы все ниже
И пусть ночной и страшный брод
Нас перекрестит иль убьет.
Вода у губ,
Течет сквозь зубы,
Мы слышим ангельские трубы,
Открыть бы только сжатый рот...
Но Бог?!..
За что мелеет брод?
Мы шли к тебе с надеждой, Боже,

Смотри, из лиц вновь лезут рожи,
Мы шли к тебе, ты – обманул,
Ты берег нам к ногам швырнул...
Стакан вина – и в брод,
Пусть не поймет седая дама,
Что нам от этой жизни надо,
Стакан вина – и в брод!..

– Ты, Витьк, лучше Бога не трогай, – немного подумав, сказал Петрович. – Не хорошо это.

– Да я и не трогаю, – простодушно улыбнулся Витька. – А вот когда ручку возьму, сам не знаю, что со мной начинает происходить: словно жжет меня что-то... Изнутри жжет. А верующий из меня, дядь Коль, плохой, в церкв-то я только на Пасху бываю. Правда, с легкой душой туда прихожу и... – Витька немного помялся. – И верю, что ли?.. Когда последний раз был, поп, значит, по рядам ходит и на куличи с букетика брызгает. А меня увидел и к-а-ак хлестанет святой водой мне по физиономии слева направо! У меня даже с носа закапало. После такого умывания я два месяца ни капли спиртного в рот не брал. От одного вида водки тошнило.

– Лучше бы тебя этот поп прямо из ведра окатил, – улыбнулся Петрович. – Глядишь, совсем пил бросил.

– Может быть, – согласился Витька. – Но видно не пришло пока мое время... – он немного помолчал и вдруг быстро заговорил. – А ведь мне, дядь Коль, Бога почему-то жалко.

И хотя моя глупая жалость эта на щенячью похожа, не могу я ему спокойно «дай» говорить. А если и говорю, то как-то с вывертом у меня это получается... Даже с ехидством. Словно издеваюсь я сам над собой: о чем же, мол, ты, сукин сын, раньше думал? Почему сам не сделал того, что сейчас на коленях задаром выпрашиваешь? Не люблю я за это «дай» ни себя, ни людей. Тянут люди под себя все, что под руки попадет, словно живут с закрытыми глазами, а потом приходят к Богу и снова – дай! Как осьминоги какие-то... Но Бог, дядь Коль, все-таки есть. Я не столько, правда, верю, сколько чувствую это. У меня вот как-то раз спросили, если, мол, Бог есть, то как же он позволяет существовать на земле несправедливости? Раздражают меня такие вопросы. Глупые они и подлые какие-то... Потому что когда человек вышел из рая, Бог сделал его абсолютно свободным. Во всем, даже в безумии. Наполеон и Гитлер были так же свободны, как и алкаш какой-нибудь, который ни о чем другом, кроме как о водке уже и думать не умеет. Понимаешь?... Человек – свободен и он – не кукла. Он сотворен по образу и подобию и нет в нем руководящей, божественной пятерни. Сам человек все решать должен. Только сам. Поэтому крики эти, почему, мол, Бог позволят все, мне другой крик напоминают: «Распни его!..» Ближнего нашего распни, Господи... А мы, мы-то – хорошие.

Судя по всему, Витька снова принялся переживать один из своих недавних, философских диспутов. Иногда Лена

рассказывала Петровичу о тех жарких словесных дуэлях, которыми заканчивались деревенские попойки, если в них принимал участие ее непутевый супруг. Рассказы умной Витькиной жены не были лишены изрядной доли чисто женской ядовитости. Петрович каждый раз искренне смеялся над очередным приключением шибутного племянника. Например, частенько после коллективных пьянок Витька, не смотря на отчаянные протесты жены, пытался продолжить философский диспут уже дома. Лучше всего молодой женщине удавалось передавать в лицах те меткие ответы, которые она давала мужу на его разглагольствования о вечном. Рано или поздно окончательно посрамленный женским остроумием Витька отправлялся спать.

– Долго думал-то над всем этим? – скептически улыбаясь, спросил Петрович у племянника.

– Долго, ясно же... Недавно вот с одним нашим деревенским умником беседовал. Он мне говорит, а на фига, мол, мне церковь? Ну, в том смысле, что зачем, мол, мне посредники между мной и Богом? Воистину, научи дурака Богу молиться и он попытается им стать! А вера, она же как книга. Только вместо букв в ней живые человеческие души. Вот недавно я книжку одну читал о том, как у нас в России, уж не помню в каком веке, боролись иосифляне и нестяжатели. Честно скажу, я за нестяжателей переживал, а вот победили почему-то иосифляне...

Голос Витьки заметно дрогнул от обиды.

– И много ли ты, умник, еще читал? – перебил племянника Петрович.

– Нет, в общем-то... Но все равно, интересно же.

– Ох, Витька, Витька, – старик покачал головой, – сколько же всего в тебе намешано! Но самое любопытное, что церковь в тебе рядом с горящей баней стоит. Ты бы еще средневековой кабалистикой, что ли, занялся, а? Говорят, интересная это наука, особенно если на похмелье ее изучать.

Витька кивнул. В его уме снова промелькнуло страшное четверостишие, написанное глухим зимним вечером.

– Уже, дядь Коль, занялся.

– Ну?!.. – искренне удивился Петрович.

– Ага. Хочу секрет числа 666 открыть.

– Это дьявольского числа, что ли?

– Его.

– Что ж, дело хорошее... Главное полезное. Смотри только не чокнись на досуге.

Дома компаньонов ждал ужин, приготовленный сразу двумя хозяйками – по чисто деревенской привычке Лена привезла с собой две огромных сумки с продуктами. Стол ломился от всевозможных яств. Здесь было все, начиная от тарелки с кусками сочной, домашней ветчины и кончая вазой доверху наполненной яблоками. Не было только водки. Лене не хотелось, что бы ее супруг расценил ее старания как попытку к примирению. Кроме того, общаясь с мужем на

людях, женщина постаралась изобразить на своем красивом лице как можно больше безразличия, а то и откровенного высокомерия.

Но ударившийся в богоискательство Витька не обратил на этот факт никакого внимания.

– Свадьба, что ли? – пробормотал Петрович, осматривая стол.

«Скорее развод!» – чуть было не сказала вслух Лена, но вовремя сдержалась.

Еще не растраченная скорбь о заблудшем в грехах человеке не помешала Витьке как следует вкусить земных благ. Спасая от мужа тарелку с ветчиной, Лена переставила ее поближе к детям. Витька ел быстро и, размышляя о вещах возвышенных, мог запросто оставить голодным своего ближнего.

– Дядя Витя, – неожиданно заговорила маленькая Оля сидевшая на коленях у матери. – А тетя Лена сказала, что ты куда-то подлез.

Витька растерянно улыбнулся.

– Ну, и куда же я подлез? – спросил он.

– Не подлез, а подлец, – вмешался в разговор более взрослый Миша. – Подлец, это такой не хороший дядя и это совсем не дядя Витя.

Витька и Лена подавились салатом почти одновременно.

– Нет, подлец! – настояла на своем Оленька. – Поэтому тетя Лена на него и ругается. Он подлец, как хитрый червя-

чок, наверное, и ей спокойно жить не дает.

Сидевшие за столом взрослые, как по команде, уставились в тарелки. Витька посмотрел на жену. Лена быстро сделала вид, что ничего не происходит. В конце концов, решила она про себя, ее развод с мужем был уже делом решенным, а если родственники узнают о нем, не зная даже намека на его причины, то ее могут и не понять.

После ужина к Петровичу пришел отец Сергея. Это был хмурый, рослый, с насупленными бровями мужик. Немного потоптавшись у порога, он сказал:

– Я, Петрович, это самое... За снохой и внуками пришел. У тебя тут тесновато немного, так что пусть они пока у нас с бабкой поживут.

Петрович посмотрел на дочь.

– Пойдешь?

Та кивнула. В отличие от сына, родители Сергея относились к снохе и внукам с нескрываемой нежностью.

Сборы в не дальнюю дорогу прошли быстро. Прежде, чем выйти, уже возле двери, отец Сергея обернулся:

– За дочь не переживай, в обиду не дам, – бросил он. – Серега меня как огня боится. Пока Светка с детьми у нас жить будет, он к моему дому близко не подойдет.

Дверь захлопнулась.

– Очень даже выразительный мужчина, – сладко потягиваясь, сказал Витька и кивнул на дверь. – Лично я ему верю.

Ночью Лене приснился страшный сон: она лежала голая

на чистых и белых простынях, а рядом с ней стоял жутко волосатый мужик с кривыми ногами. Мужик щерил гнилые зубы и тянул к женщине лохматые, похожие на бревна руки. Сама не зная почему Лена натужно улыбалась ему в ответ. Мужик лег рядом и, сказав не совсем приличное слово, положил Лене на грудь ладонь. Лена закричала от ужаса и что было силы оттолкнула от себя волосатое чудовище.

Неожиданно, совсем рядом, выругался Витька и послышался тяжелый шлепок.

Сон исчез. Лена рывком оторвала голову от подушки и посмотрела в темноту. Витька сидел на полу и, сонно моргая глазами, смотрел на жену.

– Слышь, подруга, ты давай что ли, быстрее от меня отвыкай, – проворчал он, забираясь на кровать. – Так и шею недолго сломать.

Лена сходила на кухню и выпила кружку воды. Немного успокоившись, она пришла к выводу, что отвыкнуть от опостылевшего мужа за одну неделю ей, пожалуй, не удастся.

Женщина легла и принялась рассматривать темноту. Ей стало страшно и она натянула одеяло до самого подбородка.

Лена толкнула мужа в бок.

– Вить!..

– М-м-м?.. – сонно отозвался муж.

– Поцелуй меня, а? – тихо попросила Лена.

– Отстань, – проворчал Витька. – Сказал же уже, отвыкай от меня побыстрее.

– Ну, Вить, – Лена потерлась щекой о плечо мужа. – Витечка, солнышко мое, ласточка моя!..

Витька вздохнул и тяжело заворочался. Сильная рука обняла Лену за талию и прижала к большому, горячему телу. Лена улыбнулась, снова погладила мужа по щеке и ласково прошептала:

– Колючий ты... Как пушистый ежик.

– Ежики пушистыми не бывают.

– А добрыми?

Женский шепот был тающим и таким нежным, что Витька окончательно сдался.

– Шут знает что! – ворчал он, стаскивая с жены ночную рубашку. – Весь день пахал, так еще и ночью работать приходится. Никакого покоя мужику даже в гостях нет.

...Прежде чем уснуть Лена крепко обняла Витьку за шею, уткнулась ему носом в плечо и облегченно вздохнула.

Глава седьмая

Кот по кличке Мальчик начал обход своей территории рано утром. Неслышной, тигриной походкой он пробрался через густой малинник, перепрыгнул через забор и приблизился к старому, покосившемуся сараю. Это был центр его владений. Старый кот любил лежать на крыше сарая обзревая с его высоты дворы и выслеживая наглецов-соперников, которые всегда надеялись незаметно проскользнуть по его территории не получив при этом заслуженной взбучки.

Неожиданно хвост Мальчика несколько раз нервно дернулся. Из поленницы, пролежавшей рядом со стеной сарая неизвестно сколько лет, доносился чужой, раздражающий запах. Кот подошел поближе. После тщательного обнюхивания дров Мальчик установил, что чужая метка была оставлена совсем недавно. Кот скользнул вдоль забора и вскоре наткнулся еще на один след чужака – на тонком черенке молодой вишни. Возмущению Мальчика не было предела. Больше всего его злило то, что враг прибег к довольно подлому способу. Не решаясь бросить открытый вызов, он просто-напросто попытался оттяпать кусок чужих владений, поставив их хозяина перед уже свершившимся фактом.

Мальчик подумал о соседском рыжем коте. Это мог сделать только он. Рыжий не был джентльменом и избегал от-

крытых схваток даже весной. Например, он подкарауливал возлюбленных из гарема Мальчика прямо возле дверей и открытых форточек. Еще не успев выйти в свет, кошки попадали в лапы негодяя. Несколько раз Мальчик преследовал Рыжего, но того спасала молодость и скорость.

Старый кот презрительно фыркнул и приступил к работе. Вскоре все метки Рыжего были заглушены новым, куда более приятным для Мальчика запахом. Только возле поленницы естественный способ борьбы с вражескими метками дал осечку. Рыжий брызнул свою метку в глубину дров и без знания точной позиции, которую тот занял прежде чем нанести ее, точно попасть в чужую метку было невозможно. Чужой, стойкий запах перемешивался с запахом Мальчика и все сильнее действовал на нервы.

Мальчик сел и, щуя зеленые глаза, посмотрел на желтое солнце.

Решение пришло неожиданно. Мальчик стал хвостом к поленнице, крепко уперся задними лапами, а передними принялся энергично забрасывать назад землю. Раз-раз-раз!.. Земля с шумом летела внутрь поленницы. Когда вырытая котом ямка достигла трети его роста, кот прекратил работу. Он потянул ноздрами воздух. Сильный запах прошлогодних листьев, земляных червяков и сырой земли заглушил запах Рыжего. Торжествуя, Мальчик выпустил пару струек и понюхал снова. Враг был сломлен окончательно.

Целый час старый кот отдыхал лежа на крыше сарая. Ино-

гда он лениво приоткрывал один глаз и оглядывался вокруг. Но Рыжий не появлялся...

Мальчик припомнил, что несколько раз видел Рыжего на перекрестке улиц возле дома, в котором недавно поселилась молодая и глупая сибирская кошка. Рыжий топтался там каждое утро, жадно посматривая на окна и призывно мяукая.

Решение было принято как всегда мгновенно – Мальчик направился на улицу. Загрызть негодяя!.. В мозгу старого кота уже мелькали сцены будущей расправы: вот Рыжий стоит в боевой стойке, вот он опрокинут на спину, вот... Неожиданно в ноздри Мальчика ударил волшебный запах свежеекопченной рыбы. Кот остановился. На скамейке, возле автобусной остановки, курил большой человек. Человек наверняка был сыт. Он вертел в руках кусок рыбы и, судя по всему, не знал что с ним делать.

– Кис-кис-кис!.. – притворно ласково позвал незнакомец, внимательно рассматривая Мальчика.

Старый кот насторожился. Огромный жизненный опыт подсказывал ему, что люди жадны и не привыкли вот так запросто расставаться с чем-то вкусным. А брошенные ими вслед палки и камни иногда находят свою жертву. Но уйти старый кот тоже не мог, кусок рыбы пах так вызывающе аппетитно, что пасть Мальчика наполнилась слюной. В конце концов, старый кот решил рискнуть и подошел поближе.

Незнакомый человек попытался установить контакт.

– Как тебя звать-то? – спросил он. – Иди сюда. Кис-кис-кис!.. На рыбки!

Незнакомец вертел в руках приманку с ловкостью фокусника. Заветный кусок темно-серебристо поблескивал то толстенькой спинкой, то белым брюшком и буквально гипнотизировал старого кота.

Когда-то очень давно Мальчик украл точно такой же кусок с хозяйского стола. Расплата за содеянное оказалась просто ужасной: Мальчика сильно избили и выбросили на улицу. Была зима и несколько дней Мальчик жил на страшном морозе. Все его попытки взобраться на чердак, что бы отогреться у теплой трубы, пошли прахом – после хозяйской экзекуции его плохо слушались задние лапы. Иногда, когда становилось совсем невмоготу, Мальчик подходил к двери и жалобно мяукал. Потом у него пропал голос – из пасти вылетали только хрипы. Мальчику больше не хотелось рыбы, единственное о чем он тогда мечтал была теплая подстилка возле горячей батареи. Кот лежал в сугробе и медленно умирал. Его спасло только чудо, а точнее говоря, сердобольная соседская девочка. Она подобрала кота и принесла к себе домой. Впрочем, переход Мальчика в новый дом не был столь уж безоблачным. Мать девочки наотрез отказалась приютить чужого кота и после небольшого скандала кота выбросили в форточку. Так едва отогревшийся Мальчик снова оказался в холодном сугробе. Он уже не сопротивлялся судьбе. Кот лежал и рассматривал как медленно тают снежинки у него

на носу. Потом его отыскала девочка. Мальчик хорошо запомнил, ее ноги. Они были одеты в легкие тапочки и такие же самые снежинки, которые он рассматривал у себя на носу, очень быстро таяли на голых ножках его новой хозяйки. Девочка громко плакала, а из открытой форточки ей что-то кричала встревоженная мать. На следующий день девочка слегла с высокой температурой и отношение к коту-изгнаннику в новом доме очень резко изменилось. Его стали отлично кормить и даже разрешили спать вместе с девочкой. Под одеялом у девочки было очень тепло и уютно. Кот прижился к пылающему жаром боку новой хозяйки и тихо урчал от удовольствия. Иногда кота прогоняли в другую комнату и девочку принимались осматривать строгие люди в белых халатах. Но кот всегда возвращался на прежнее место и, наверное, поэтому девочка выздоровела. Теперь девочка выросла, вышла замуж и рядом с ней спит малознакомый Мальчику человек, от которого пахнет табаком. Старый кот довольно болезненно воспринял резкую перемену, произошедшую со своей хозяйкой. Но затем он нашел выход. Совсем недавно в доме появился еще один человек – совсем маленький. Он поселился в койке огороженной высоким заборчиком с редкими прутьями. Иногда ночью, когда человечек начинает похныкивать, а уставшая за день мать не спешит просыпаться, Мальчик с удовольствием идет спать к малышу. Малыш быстро привык к старому коту. Едва почувствовав под рукой мягкую шерстку и услышав тихое урчание, он сразу успока-

ивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.